КАК НЕ СОРВАТЬСЯ ПОСЛЕ РАССТАВАНИЯ

СЕМЁН ГРАДОВ

Семён Градов

Как не сорваться после расставания

https://litres.ru/74706917
SelfPub; 2026

Аннотация

После расставания можно днём выполнять работу, а вечером часами перечитывать переписку, составлять сообщения и принимать ночную уверенность за окончательную правду. Сил хватает удержать внешнюю жизнь, но не хватает на паузу между болью и поступком.

«Как не сорваться после расставания» — практическая книга о коротких острых волнах в первые недели после ясного разрыва. На сквозном примере Марины Семён Градов разбирает четыре доступных шага: на ограниченное время остановить действие, вернуть внимание в настоящую комнату, обеспечить ближайшие потребности и поддержку, назначить точное время для решения.

Книга не требует перестать любить, не обещает быстрое облегчение и не учит возвращать отношения. Она помогает пройти рабочий день, пустой вечер и бессонную ночь без решений, за которые придётся расплачиваться позже, а также понять, когда карточки самопомощи недостаточно и нужна профессиональная или экстренная помощь.

Содержание

От автора 4
Глава 1. Волна — не весь день 6
Глава 2. Что считать срывом 20
Глава 3. Когда нужна срочная помощь 34
Глава 4. Четыре шага на карточке 46
Глава 5. Шаг первый: ничего не отправлять 60
Глава 6. Не превращать задержку в пытку 73
Глава 7. Шаг второй: вернуться в комнату 89
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Семён Градов
Как не сорваться после расставания

От автора

Эта книга начинается не с вопроса, как забыть человека и сколько времени должно занять расставание. У таких вопросов нет честного общего срока. Она начинается с более узкого момента: вечером поднимается волна, рука уже держит телефон, в голове есть сообщение, которое будто нельзя не отправить прямо сейчас.

Сильное переживание не делает вас слабым и не выдаёт готового решения. Можно плакать, злиться, скучать и всё же отложить действие, которое завтра увеличит боль. Для этого в книге используются четыре шага: остановить отправку или другой поступок; вернуть внимание к комнате и телу; обеспечить ближайшие потребности и доступную поддержку; назначить время, когда вы вернётесь к решению после пика.

Это не способ выключить чувства. Короткая практика может не принести спокойствия. Её скромная задача — помочь прожить ближайшие минуты без нового вреда и сохранить возможность выбирать позже.

Книга не повторяет полный порядок жизни после разрыва: раздел вещей и денег, жильё, дети, статус отношений и попытка сойтись требуют отдельных решений. Здесь мы подробно рассматриваем острые часы — на работе, по дороге, вечером и ночью. Именно в них человек часто принимает силу состояния за срочность действия.

Примеры составные. Они не описывают конкретных клиентов и не обещают одинакового результата. Советы по сну, телесной опоре и поддержке не заменяют врача или специалиста по психическому здоровью. Если есть непосредственная опасность, мысли или намерение причинить вред себе либо другому, угрозы, потеря связи с реальностью, резкое необычное изменение состояния или невозможность обеспечить себе базовую безопасность, нужна местная экстренная и профильная помощь. Не ждите, пока четыре шага сработают.

Читайте по одной главе и сразу сокращайте практику под свою жизнь. В острой волне длинный идеальный план бесполезнее короткой карточки, которую удаётся выполнить. Цель не в том, чтобы через силу выглядеть спокойным. Цель — оставить между болью и поступком достаточно места для следующего решения.

Глава 1. Волна — не весь день

В 11:42 Марина открыла смету на ремонт школьной столовой и увидела сообщение от Ильи. Ничего нового он не написал. Он ответил на её утренний вопрос о коробке с зимней обувью: «Да, она у меня. Передам на выходных». Девять слов, точка, никаких скрытых обещаний. Но ладони у Марины стали горячими, строка с коэффициентом расплылась, а в голове за несколько секунд возник целый разговор. Почему так сухо? Почему на выходных, если можно сегодня? Значит ли это, что он хочет увидеться? Или, наоборот, заранее показывает, что для него всё кончено?

Она перечитала сообщение семь раз. Потом открыла старую переписку, дошла до фотографии из поездки и почувствовала, что рабочий день пропал. До обеда оставалось меньше двадцати минут, в три часа нужно было отдать расчёт руководителю, но внутри уже прозвучал приговор: сегодня я ни на что не способна.

Этот приговор казался точным, потому что состояние было сильным. Однако он описывал не весь день. Он описывал несколько минут, которые Марина приняла за окончательный итог.

После расставания переживание редко распределяется по суткам ровным слоем. Даже в очень тяжёлый день бывают промежутки разной плотности. Человек может десять ми-

нут отвечать коллеге, потом увидеть знакомое имя и провалиться в мысленный спор, затем машинально помыть кружку, снова заплакать, на полчаса увлечься срочной задачей и только по дороге домой заметить, что какое-то время не думал о разрыве. Это не значит, что ему уже легко. Это значит только одно: состояние меняется.

В этой книге мы будем называть резкое усиление переживания волной. Это бытовое слово, а не диагноз и не обещание красивой кривой: поднялось, достигло вершины и неизбежно исчезло через одинаковое число минут. У одного человека усиление занимает пять минут, у другого тянется часами. Оно может ослабнуть и вернуться после звонка, музыки, запаха или пустой половины шкафа. Иногда весь день действительно тяжёлый. Но даже тогда полезно различать сам день и отдельные моменты, когда особенно легко совершить поступок, о котором позже придётся жалеть.

Различение нужно не для того, чтобы преуменьшить боль. Фраза «это всего лишь волна» может прозвучать жестоко, особенно если её бросает человек, которому хочется поскорее прекратить чужие слёзы. Здесь слово «волна» означает не «пустяки», а «сейчас состояние усилилось и влияет на мои выводы». Можно отнестись к этому серьёзно, не объявляя его вечным.

Марина не могла за минуту перестать скучать по Илье. Не могла убедить себя, что коробка с обувью не имеет значения: встреча на выходных действительно требовала решения. Но

ей не нужно было решать это в 11:42, держа телефон над рабочим столом и почти не видя цифр. Первой задачей было заметить границу: до сообщения она читала документ, после сообщения начала действовать иначе.

Такая граница часто видна задним числом. До неё человек ещё наливал чай, выбирал продукты или слушал коллегу. После неё он уже набирает длинный ответ, ищет подтверждения в старых фотографиях, звонит общему знакомому либо отменяет всё, потому что «день всё равно испорчен». Между этими состояниями бывает конкретное событие. Не обязательно драматическое. Им становится уведомление, пустая чашка на второй полке, чужая пара у подъезда, пятничный вечер, вопрос знакомого или собственная мысль: сейчас бы я рассказал об этом ему.

Когда событие найдено, боль не исчезает, зато появляется начало наблюдаемого отрезка. Не «со мной теперь всегда так», а «после сообщения в 11:42 мне стало заметно тяжелее». Вторая фраза уже оставляет место времени.

Слово «всегда» особенно убедительно на пике. Мозг не обязан вести честный протокол всех минут дня, когда человеку больно. Он быстро подбирает доказательства текущему выводу. Если сейчас невыносимо, вспоминаются предыдущая бессонная ночь, вчерашний плач в ванной, разговор недельной давности. Полчаса, когда удалось закончить письмо, приготовить суп или посмеяться над нелепой фразой коллеги, кажутся исключениями, которые ничего не доказы-

вают. Получается монтаж из самых тяжёлых кадров. Он воспринимается как непрерывная запись.

Спорить с этим монтажом лозунгом «всё пройдёт» обычно бесполезно. Во-первых, никто не может честно назвать срок. Во-вторых, человеку сейчас нужен не прогноз на год, а опора на ближайшие минуты. Вместо большого утешения полезнее маленькая точность: «С десяти до половины двенадцатого я работала медленно, но работала. В 11:42 пришло сообщение. После него я перестала видеть задачу и открыла старую переписку».

Точность иногда выглядит холодной, однако именно она возвращает масштаб. Марина не обязана считать утро хорошим. Ей достаточно признать, что утро и пик после сообщения — не одно и то же.

Есть важное возражение: а если человек думает о расставании с момента пробуждения? Тогда поиск волны не должен превращаться в экзамен, который можно провалить. Фон может оставаться тяжёлым много часов. На этом фоне всё равно бывают усиления: при пробуждении, после проверки телефона, в обед, когда раньше приходило сообщение, вечером у двери квартиры. Иногда различие всего на один балл из десяти. Иногда его пока не удаётся заметить. Наблюдение нужно не для правильного результата, а для того, чтобы не принимать самый острый момент за единственно возможное состояние.

Если состояние резко изменилось необычным для вас об-

разом, вы несколько ночей почти не спите, не можете обеспечить еду, воду и безопасность, теряете связь с происходящим или возникает непосредственная опасность причинить вред себе либо другому, наблюдения за волной недостаточно. Нужна местная экстренная или профильная помощь. Не следует ждать, пока упражнение из книги даст эффект. Граница самопомощи определяется не силой характера, а уровнем риска и тем, сохраняется ли способность заботиться о себе.

Марина пока могла заботиться о себе и работать, хотя с большим трудом. Она положила телефон экраном вниз, но почти сразу перевернула его. Написала Илье: «Хорошо. А почему только на выходных?» — и не отправила. Затем добавила: «Если тебе неприятно меня видеть, можешь так и сказать». Стало ещё хуже, потому что теперь она реагировала не только на его девять слов, но и на собственное предположение о том, что они значат.

Так волна получает добавочное топливо. Событие вызывает чувство; чувство требует объяснения; объяснение воспринимается как факт и вызывает новое чувство. Сообщение о коробке превращается в доказательство равнодушия, предполагаемое равнодушие — в повод выяснить отношения, а воображаемый будущий ответ — в новую сцену отвержения. Всё это может произойти до того, как второй человек увидит хотя бы одно сообщение.

На первой неделе Марина называла весь этот клубок од-

ним словом: накрыло. Для повседневной речи этого достаточно. Для выбора следующего действия полезно разложить клубок хотя бы на четыре части.

Событие: пришло короткое сообщение о коробке.

Телесная реакция: горячие ладони, сжатая челюсть, трудно удерживать взгляд на строке.

Мысли и значения: он пишет сухо; он не хочет меня видеть; встреча может что-то изменить.

Импульс: немедленно спросить, что он чувствует, и перечитать старую переписку.

Ни одна из частей не является позором. Телесную реакцию нельзя отменить приказом. Мысль возникает раньше, чем человек успевает решить, полезна ли она. Импульс тоже ещё не поступок. Это различие станет главным в следующей главе, когда мы отдельно разберём слово «срыв». Пока достаточно заметить: между началом волны и действием есть несколько элементов, а значит, есть несколько мест, где можно перестать добавлять вред.

Марина посмотрела на часы в правом углу экрана: 11:51. Прошло девять минут, хотя ей казалось, что рабочее утро закончилось давно. Она не чувствовала облегчения. Просто впервые увидела длительность.

Она открыла бумажный блокнот и написала: «11:42 — сообщение. 11:51 — заметила, что читаю старое». Затем встала за водой. Пока шла до кухни, ей хотелось вернуться и отправить вопрос. На кухне коллега спросил, будет ли она поль-

зоваться чайником. Марина ответила, налила воду и услышала, как за стеной принтер выплюнул лист. Эти обычные детали не исправили расставание. Они показали, что кроме переписки в эту минуту существует комната.

В 12:06 она всё ещё хотела написать Илье, но уже смогла открыть расчёт. В 12:19 проверила один раздел и обнаружила ошибку в исходных данных. В 12:27 снова потянулась к телефону. Новое усиление пришло не потому, что первое наблюдение «не сработало». Волны могут идти близко одна за другой. Задача не в том, чтобы после первой записи обрести спокойствие, а в том, чтобы каждый раз различать состояние и решение.

Человек часто оценивает практику по чувству: если по-прежнему больно, значит, ничего не получилось. Для первых недель это слишком суровый критерий. Более скромный критерий звучит так: удалось ли заметить усиление до действия или хотя бы раньше, чем обычно? Марина не стала спокойной, зато не отправила два сообщения и вернулась к одному разделу сметы. Это не победа над расставанием. Это сохранённые двадцать минут и отсутствие нового разговора, начатого на пике.

Иногда наблюдение происходит только после действия. Человек уже отправил десять сообщений, удалил фотографии, позвонил родственнику бывшего партнёра или написал резкий пост. Тогда нельзя вернуться назад и заметить волну заранее. Но можно отметить начало, развитие и момент,

когда состояние стало слабее. Такая запись не оправдывает вред и не превращается в самобичевание. Она даёт сведения для следующего раза: «Всё началось не с десятого сообщения. Сначала я увидел фотографию в 22:15, потом сорок минут пил и читал переписку, а первое сообщение отправил в 23:03».

В этой последовательности уже видны возможные точки помощи. Убрать телефон после фотографии. Не оставаться одному с алкоголем и перепиской. Написать не бывшему партнёру, а заранее выбранному человеку с конкретной просьбой. Перенести решение до утра. Позже мы подробно разберём эти действия. Сейчас важно увидеть, что поступок имеет предысторию, даже если в памяти он выглядит внезапным.

Стыд стирает предысторию. Он говорит: нормальные люди так не делают; я безнадёжен; со мной что-то не так. Эти фразы ничего не объясняют и не помогают изменить следующий вечер. Наблюдаемая последовательность объясняет больше: событие, время, тело, мысль, импульс, действие, последствия, спад. Она не снимает ответственности, но делает ответственность практической. Вместо суда над всей личностью появляется вопрос о следующем доступном шаге.

Есть и другая ловушка: начать круглосуточно измерять себя. Если каждую минуту спрашивать, прошла ли волна и сколько баллов осталось, внимание приклеивается к состоянию. Человек будто стоит у духовки и открывает дверцу каж-

дые десять секунд, проверяя, готово ли блюдо. Наблюдение должно быть коротким. Записать начало. Один или два раза отметить изменение. Вернуться к ближайшему делу, даже если им будет душ, стакан воды или десять строк рабочего документа.

Не обязательно пользоваться шкалой от нуля до десяти. Для некоторых она удобна: в 11:42 интенсивность была восемь, в 12:06 — шесть, в 12:27 снова семь. Других цифры заставляют искать ложную точность. Тогда подойдут слова: фон, подъём, пик, немного слабее. Важно не правильное измерение, а различие.

Полезно также отделять спад от хорошего самочувствия. Если переживание снизилось с девяти до семи, человеку всё ещё очень трудно. Если он перестал плакать, это не доказывает, что он согласился с разрывом. Если на двадцать минут увлёкся задачей, это не предательство отношений и не признак бесчувствия. Нервной системе не нужно непрерывно поддерживать максимальную боль, чтобы подтвердить значимость прошлого.

Марина испытала именно такое чувство вины после обеда. Коллега рассказал, как перепутал два названия в официальном письме, и она неожиданно рассмеялась. Через секунду в голове возникло: как я могу смеяться, если четыре года закончились? Будто серьёзность любви измерялась непрерывностью страдания.

Она записала ещё одну точку: «13:18 — смеялась секунд

десять, потом стало стыдно». Эта запись показала не то, что боль закончилась, а то, что день уже содержал больше одного состояния. В нём были сообщение, жар в ладонях, черновик ответа, вода, расчёт, ошибка в данных, короткий смех и стыд. День не стал лёгким. Он стал шире волны.

Расширение дня — важнее немедленного улучшения. Когда человек говорит «весь день лежал», иногда выясняется, что он вставал в туалет, отвечал на один звонок, кормил кота и дважды пил воду. Не нужно превращать это в бодрый отчёт об успехах. Нужно вернуть событиям место. Фраза «я лежал почти весь день и всё-таки покормил кота» точнее, чем «я совсем ничего не могу». Точность не льстит и не обвиняет.

Для работающего человека такой взгляд помогает не требовать от себя обычной скорости. Марина могла решить, что раз ей удалось проверить раздел, она обязана собраться и до вечера работать как прежде. Это обратная крайность. Спад волны не означает полного восстановления внимания. После сильного возбуждения человек может быть уставшим, медленным, рассеянным. Поэтому она выбрала одну обязательную часть сметы, попросила перенести необязательный созвон и поставила дополнительную проверку цифр. К рабочему минимуму мы вернёмся позже. Здесь важно, что решение было принято после того, как пик немного ослаб, а не в момент приговора «день пропал».

Вечером наблюдение оказалось труднее. В 20:40 Марина увидела две чашки на сушилке. Одной давно никто не поль-

зовался, но именно теперь пустая кухня стала доказательством будущего одиночества. Она села на пол у шкафа и заплакала. Записывать время казалось нелепым. Какая разница, когда началось, если дома всё напоминает об Илье?

Разница была не в чашке. В 20:35 Марина ещё разговаривала с Дашей о доставке продуктов. В 20:40 увидела чашки. В 20:44 уже открыла фотографию Ильи. В 20:52 начала составлять сообщение. Если слить эти минуты в одно «весь вечер», исчезает место, где можно положить телефон в другую комнату или попросить Дашу побыть на связи десять минут. Если вернуть последовательность, появляется выбор, пусть очень маленький.

Марина записала время уже в 21:07. Поздно для идеальной практики, но раньше отправки. Она не поставила оценку и не искала пик. Написала три строки: «Началось с чашек. Потом открыла фото. Сейчас пишу ему и плачу». Эта запись стала границей между происходящим и следующим поступком.

Наблюдение не требует разговаривать с собой официальным голосом. Некоторым помогает фраза «меня сейчас сильно подняло». Другим — «вот тяжёлые десять минут». Третьим — простое «стоп, это началось после звонка». Выберите слова, которые не раздражают вас и не звучат как чужой плакат. Единственное нежелательное слово — «всего лишь», если оно обесценивает переживание. Не «всего лишь волна», а «сейчас волна сильнее фона».

Что считать концом? Не обязательно полное спокойствие. Концом наблюдаемого отрезка может быть момент, когда вы способны выполнить простое действие, которого не могли выполнить на пике: прочитать абзац, убрать нож подальше во время злости, налить воду, позвонить выбранному человеку, выйти из переписки, лечь в постель, не отправив сообщение. Иногда состояние остаётся тяжёлым, но способность выбирать немного возвращается. Для задач этой книги это существенное изменение.

Если способность выбирать не возвращается, риск растёт или вы боитесь оставаться в одиночестве, не продолжайте наблюдение как эксперимент. Обращайтесь к доступному живому человеку, местной кризисной или экстренной службе, специалисту, который может оценить состояние. Запись времени не является планом безопасности и не заменяет помощь.

К концу рабочего дня у Марины в блокноте было пять временных точек. Они не выглядели вдохновляюще. Между ними оставались слёзы в туалете, медленная работа и желание перечитать каждое сообщение за четыре года. Но приговор «сегодня я ни на что не способна» уже не совпадал с фактами. Она проверила критичный раздел, сообщила руководителю о задержке, поела и не отправила два сообщения. Боль занимала много места, но не всё место.

Это и есть первая перемена, которую можно получить без обещания быстро прийти в норму: перестать отдавать само-

му острому моменту право описывать целые сутки. Сегодня может быть тяжёлым. Неделя может быть тяжёлой. И всё же внутри неё существуют начала, усиления, ослабления и промежутки, в которых принимаются разные решения.

Практика этой главы занимает одну волну, а не весь день. Возьмите бумагу или заметку, которая не находится рядом с перепиской бывшего партнёра. Запишите время, когда заметили усиление. Если начало известно, добавьте его; если нет, не угадывайте. Одной фразой укажите событие: пришло сообщение, увидел фотографию, вошёл в пустую квартиру, проснулся ночью. Затем назовите два телесных факта без диагноза: сжаты плечи, дрожат руки, трудно сидеть, стало жарко. Запишите импульс как действие: отправить сообщение, позвонить, открыть архив, выпить, поехать к дому. Не спорьте с ним и пока не объясняйте его.

Через некоторое время отметьте первый момент, когда состояние изменилось хотя бы немного или появилась способность сделать простое безопасное действие. Не ждите полного спокойствия. Запишите, что именно стало возможно. Если усиление вернулось, поставьте новую временную точку, а не объявляйте практику неудачной.

В конце оставьте четыре короткие строки.

Начало или момент, когда я заметил волну.

Что произошло непосредственно перед усилением.

К какому действию меня потянуло.

Когда и по какому признаку появилось чуть больше вы-

бора.

Если вы заметили волну только после поступка, запишите последовательность задним числом без оскорблений в свой адрес. Если есть непосредственная опасность или вы не можете обеспечить базовую безопасность, вместо записи обращайтесь за местной срочной помощью. Задача упражнения не доказать, что вам уже лучше. Задача — увидеть: сильный момент реален, но он не обязан единолично решать, что вы сделаете дальше.

Глава 2. Что считать срывом

В 21:12 Марина сидела на кухонном полу и плакала так громко, что сама испугалась своего голоса. Телефон лежал рядом. В черновике было сообщение Илье: «Я поняла, что тебе всё равно. Можешь не приезжать, выброшу коробку сама». Она не отправила его, но чувствовала себя так, будто уже разрушила всё, что ещё можно было сохранить.

«Я опять сорвалась», — написала она Даше.

Даша позвонила и первым делом спросила:

— Что ты сделала?

— Реву на полу.

— Я слышу. А кроме этого?

Марина обиделась. Разве плача недостаточно, чтобы понять масштаб бедствия? Она ожидала, что подруга успокоит её или подтвердит: да, случился срыв. Вместо этого Даша повторила вопрос спокойнее:

— Ты отправила сообщение? Поехала к нему? Сделала что-нибудь с собой или с его вещами?

— Нет.

— Тогда ты сейчас очень сильно плачешь. Это тяжело. Но давай не будем называть сделанным то, чего ты пока не сделала.

В этом различии нет требования держаться красиво. Плач может выматывать, пугать и мешать дышать обычным рит-

мом. Злость может ощущаться как жар в груди и руках. Мысль может повторяться сотни раз. Но чувство, телесная реакция, мысль, импульс и поступок — не одно событие. Если слить их в слово «срыв», человек теряет главное: место, где ещё можно выбрать действие.

Слово «срыв» звучит так, будто внутри был исправный механизм, а теперь деталь сломалась окончательно. Оно также часто означает моральный провал: я обещал быть сильным, не смог, значит, все предыдущие усилия обнулились. Для острой волны после расставания это слово слишком широкое. Им называют и слёзы, и бессонную ночь, и одно просмотренное фото, и сорок отправленных сообщений, и угрозу, и поездку к чужому дому. Последствия у этих событий разные, а ярлык один.

Мы не будем запрещать привычное слово. Если вы говорите «меня сорвало», вас поймут быстрее, чем после длинного описания. Но сразу после него полезно добавить глагол: что именно произошло? Я плакал. Я перечитал переписку. Я отправил сообщение. Я выпил и позвонил. Я разбил кружку. Я угрожал. Я отменил встречу. Я не поел. Глагол возвращает наблюдаемый факт и показывает, нужна ли сейчас поддержка, исправление вреда или срочная помощь.

Марина продолжала плакать. Это был факт, а не ошибка поведения. Она дышала неровно, плечи дрожали, лицо горело. Это телесные факты. В голове звучало: он пишет сухо, потому что никогда меня не любил. Это мысль и значение,

а не проверенное сообщение от Ильи. Её тянуло отправить обвинение и выбросить коробку. Это импульс. Телефон всё ещё лежал на полу, сообщение оставалось в черновике, коробка находилась у Ильи. Это факты действия.

Такое разделение не превращает человека в бесстрастного наблюдателя. Марине всё ещё было больно. Зато она перестала считать ущерб уже совершённым. Пока сообщение не отправлено, его можно удалить, переписать в бумажную заметку или оставить до утра. Пока она не поехала к дому Ильи, можно положить ключи подальше. Пока угроза существует только как вспышка в голове, можно увеличить расстояние до человека и предметов, которыми легко причинить вред, и обратиться за помощью.

Особенно важно не путать мысль с намерением и намерение с действием, но здесь нужна осторожность. Непрошеная пугающая мысль сама по себе не доказывает, что человек хочет её выполнить. В то же время конкретное намерение причинить вред, подготовка, доступ к средству и ощущение, что действие может произойти скоро, требуют не книжного упражнения, а немедленной местной экстренной и профильной помощи. Если вы сомневаетесь в безопасности, лучше обращаться к живой помощи, а не пытаться самостоятельно определить точную категорию.

Для повседневных ситуаций можно задать простой вопрос: что изменилось во внешнем мире из-за моего поступка? Отправленное сообщение появилось у другого человека.

Публичный пост увидели люди. Разбитая вещь испорчена. Отменённая рабочая задача осталась невыполненной. Выпитый алкоголь повлиял на состояние и способность принимать решения. А слёзы, сердцебиение и всплывающие воспоминания прежде всего сообщают о внутреннем переживании. Они могут требовать заботы, но не обязаны требовать исправления в отношениях.

Это различие защищает от двух противоположных ошибок. Первая — обвинить себя за само чувство. Вторая — оправдать вредное действие силой чувства.

Когда Марина говорит себе: «Я плачу, значит, я слабая и опять всё испортила», она наказывает себя за реакцию, которую не выбирала напрямую. Когда она говорит: «Мне было так больно, поэтому я имела право отправить угрозу», она снимает с себя возможность отвечать за поступок. Более точная позиция звучит иначе: «Моя боль реальна и не делает меня плохой. За то, что я делаю с этой болью, я отвечаю настолько, насколько сохраняю способность выбирать. Если способность выбирать резко падает и возникает опасность, мне нужна помощь».

Ответственность здесь не равна одиночеству. Человек отвечает за то, чтобы увеличить безопасность, но может делать это вместе с другом, врачом, специалистом, кризисной службой или экстренной командой. Просить помощь — тоже действие.

На кухне Даша предложила Марине назвать четыре на-

блюдаемых факта. Не объяснения, не выводы о характере, а то, что можно было бы увидеть или услышать.

Марина сказала:

— Я сижу на полу. Я плачу. Сообщение набрано, но не отправлено. Я позвонила тебе.

Последний факт сначала показался ей незначительным. Но именно он отличал этот вечер от предыдущего, когда она отправила Илье три сообщения подряд и только потом позвонила подруге. Боль была не меньше. Последовательность действий изменилась.

Слово «срыв» скрывало это изменение. Оно ставило оба вечера в одну категорию: снова не справилась. Четыре факта показывали другое: во второй вечер Марина заметила импульс раньше и включила поддержку до отправки. Это не идеальный вечер, но другая точка выбора.

Люди нередко создают правила, которые невозможно выполнить: не думать о бывшем партнёре; не плакать; не злиться; не проверять, хочется ли написать; не видеть сны; не чувствовать надежду после доброго сообщения. Нарушение такого правила неизбежно воспринимается как провал. Затем появляется мысль: раз я уже сорвался, можно дочитать весь архив, выпить ещё, написать ещё пять сообщений. Маленькое внутреннее событие становится разрешением на большое внешнее действие.

Лучше формулировать правило вокруг наблюдаемого поступка и ограниченного времени. Не «не думать об Илье», а

«до девяти утра не отправлять ему сообщения». Не «не заходить в телефон», а «на ближайшие двадцать минут положить телефон на зарядку в коридоре, сохранив возможность ответить на срочный звонок». Не «вести себя достойно», а «не публиковать личную переписку и не ехать к его дому без приглашения».

Такие правила скромнее, зато их можно выполнить. Они не требуют контролировать появление мысли. Они регулируют действие, которое имеет последствия.

У Марины была ещё одна причина называть плач срывом. В её семье взрослый человек считался собранным, если никто не видел его сильных чувств. Мать могла сказать: «Поплачь пять минут и хватит себя распускать». Поэтому телесная потеря контроля — дрожь, громкий голос, невозможность быстро остановить слёзы — воспринималась как неприличный поступок.

Но неловкость свидетеля и вред — не одно и то же. Можно плакать в рабочем туалете и всё же понимать, что нужно перенести встречу. Можно сказать другу: «Я сейчас не могу говорить ровно, но я не прошу тебя ничего решать». Можно выйти из разговора, если голос становится слишком громким. Забота о месте и других людях важна, но она не превращает само чувство в проступок.

Конечно, сильное выражение чувства иногда становится действием, которое пугает или принуждает другого. Если человек кричит в лицо, перекрывает выход, бьёт по стене ря-

дом, угрожает себе, чтобы партнёр ответил, или демонстративно уничтожает вещи, нельзя сказать: «Я просто выражал боль». Здесь есть наблюдаемые поступки и последствия для безопасности другого человека. Сила переживания объясняет, почему требовалась пауза и помощь, но не отменяет вред.

Чтобы не запутаться, полезно проверять не красоту поведения, а три признака.

Первый: действие увеличивает опасность или реальный ущерб. К нему относятся угрозы, преследование, опасное вождение, повреждение вещей, передача личных материалов, причинение вреда себе или другому.

Второй: действие лишает другого человека возможности свободно выбирать. Например, десятки звонков после просьбы не звонить, приезд без приглашения, давление через родственников, угрозы публичностью или здоровьем ради ответа.

Третий: действие ухудшает вашу способность принять следующее решение. Сюда может относиться употребление большого количества алкоголя ради отключения, отказ от назначенного лечения без врача, бессонная ночь у переписки перед ответственной сменой. Это не список для самонаказания. Он показывает, где нужно не спорить с чувствами, а менять условия и звать поддержку.

Не каждое неудачное действие является катастрофой. Марина открыла старую переписку, хотя собиралась этого не делать. Ей стало тяжелее, и она потеряла двадцать минут.

Это полезно отметить. Но если назвать событие полным крахом, возникает соблазн продолжить чтение до утра. Точнее сказать: «Я открыла архив и читала двадцать минут. После этого желание написать выросло. Сейчас архив закрыт». У факта есть границы и следующее действие.

Так же нужно обходиться с отправленным нейтральным сообщением, если оно не принесло желаемого облегчения. Человек может написать: «Когда сможешь передать ключи?» — получить сухой ответ и решить, что нарушил весь план восстановления. Но сам вопрос мог быть необходимым и корректным. Боль после ответа не превращает разумное действие в срыв. Оценивать нужно не наличие контакта вообще, а цель, форму, время и последствия.

В книге №946 мы не строим правила контакта для всех ситуаций и не решаем вопрос, нужно ли общаться с бывшим партнёром. У людей бывают общие дети, жильё, животные, работа и обязательства. Здесь нас интересует более узкий момент: не выдать силу импульса за необходимость действовать прямо сейчас. Даже необходимое сообщение часто можно написать после воды, еды, сна или короткой проверки текста.

Даша попросила Марину прочитать черновик вслух. После первой фразы Марина остановилась. В тексте было утверждение о чувствах Ильи, которых она не знала, и угроза выбросить вещь, которой у неё даже не было. Это был не вопрос о передаче коробки. Это была попытка заставить Илью

опровергнуть равнодушие.

— Если отправишь, что хочешь получить? — спросила Даша.

— Чтобы он сказал, что ему не всё равно.

— А если не скажет?

Марина снова заплакала. Ответ был очевиден: она отправит ещё одно сообщение.

Разговор не сделал её спокойной, но помог назвать действие до его совершения. Она хотела не уточнить время, а добиться эмоционального ответа. Само желание было понятно. Отправка обвинения на пике почти не давала контроля над результатом и могла открыть новую серию сообщений. Марина перенесла черновик в бумажный блокнот и удалила его из телефона.

Удаление черновика не стало обещанием никогда не говорить с Ильёй о чувствах. Оно относилось только к этому вечеру. Позже, если разговор будет уместен и желателен обоим, слова можно выбрать заново. Пауза не решает судьбу отношений; она не позволяет одной волне решить её в одиночку.

После звонка Марина написала себе: «Я не отправила сообщение». И тут же услышала внутренний ответ: «Подумаешь, нормальные люди и не отправляют». Так человек обесценивает невидимое действие. Не сделать что-то трудно заметить. В комнате нет нового предмета, в переписке нет новой строки, никто не выдаёт награду. Однако отказ от им-

пульсивного поступка — конкретное событие, если импульс был сильным и условия для действия существовали.

Важно не превращать это в соревнование силы воли. Марина не отправила сообщение не потому, что оказалась нравственно лучше вчерашней себя. Она раньше заметила волну, позвонила Даше, прочитала текст вслух и убрала его с телефона. Условия изменили вероятность поступка. Позже мы соберём такие условия в четыре шага.

Если действие всё же совершено, различение фактов остаётся полезным. Допустим, Марина отправила обвинение. Факты могут звучать так: одно сообщение отправлено в 21:15; в нём есть предположение о чувствах Ильи и угроза выбросить коробку; ответа пока нет; после отправки возникло желание дополнить объяснение. Следующий безопасный шаг — не отправлять серию. Позже можно решить, требуется ли короткое исправление. Но немедленное длинное извинение иногда становится продолжением того же давления: ответь, успокой, скажи, что не сердишься.

Фраза «я всё разрушила» не помогает выбрать между паузой и исправлением. Она толкает либо к ещё большему давлению, либо к исчезновению из стыда. Наблюдаемый факт уже и полезнее: «Я отправила одно резкое сообщение. Сейчас могу остановить серию».

То же относится к рабочему дню. Если из-за волны Марина пропустила срок, факт требует действия: сообщить руководителю, назвать новый срок, проверить критичную часть.

Самообвинение «я теперь ненадёжный сотрудник» расширяет один эпизод до всей личности. Оно не сдаёт смету.

Четыре наблюдаемых факта — это не позитивное мышление. Они могут быть неприятными. «Я позвонил двенадцать раз после просьбы не звонить». «Я выпил и сел за руль». «Я переслал частную переписку». Точность не смягчает реальный вред. Она убирает туман, чтобы человек прекратил опасное действие, обеспечил безопасность и при необходимости обратился к специалистам или экстренным службам. Если есть непосредственная опасность, первым фактом должно стать не описание, а обращение за помощью.

Но факты также защищают от лишней вины. «Я два часа плакала, но никому не угрожала». «Я хотела позвонить и не позвонила». «Мне приснился бывший партнёр». «Я почувствовала надежду после его сообщения». Эти события могут быть мучительными, но они не являются причинённым вредом.

К полуночи Марина не перестала думать об Илье. Она умылась, выпила воды и легла, оставив телефон на кухне. Заснула не сразу. Несколько раз вставала проверить, не пришёл ли ответ на сообщение, которого она не отправляла. В прежних словах это был бы ещё один сорванный вечер: плакала, не спала, ходила к телефону. В наблюдаемых фактах вечер выглядел иначе: сильная волна, неотправленный черновик, звонок Даше, удалённый текст, вода, телефон вне спальни, трудное засыпание.

Ни один факт не доказывал, что расставание пережито. Вместе они показывали, где чувство осталось чувством, а где Марина совершила действия в пользу безопасности.

Утром она прочитала запись и увидела ещё одну ловушку. Она собиралась оценивать день по идеалу: не плакать и не думать об Илье. При таком критерии поражение было гарантировано уже после пробуждения. Она заменила его на три наблюдаемых ограничения до обеда: не отправлять сообщения на пике; не открывать архив переписки за рабочим столом; если станет трудно видеть расчёт, выйти на пять минут и сообщить коллеге, что нужна повторная проверка цифр.

Ограничения не обещали хорошего настроения. Они задавали поведение там, где цена ошибки была выше.

Практика этой главы называется «четыре факта». Используйте её, когда произносите или думаете: «Я сорвался». Возьмите один конкретный эпизод, не всю неделю и не всю историю отношений. Запишите четыре предложения, каждое с наблюдаемым глаголом.

Первое: что произошло с телом или чувством. Например: «Я плачу и у меня дрожат руки». Не добавляйте «как ненормальный» или другой приговор.

Второе: какая мысль или импульс появился. Например: «Мне хочется отправить обвинение». Не записывайте импульс как уже совершённый поступок.

Третье: что вы фактически сделали к этой минуте. Например: «Я набрала текст, но не отправила» либо «Я отправила

одно сообщение в 21:15».

Четвёртое: какое следующее наблюдаемое действие уменьшит риск нового вреда. Например: «Я положу телефон на кухне и позвоню Даше» либо «Я не буду отправлять продолжение двадцать минут».

После четырёх фактов проверьте три признака: есть ли непосредственная опасность или ущерб; лишает ли ваше действие другого человека свободного выбора; ухудшает ли оно вашу способность принять следующее решение. При непосредственной опасности, конкретном намерении причинить вред, подготовке или потере способности обеспечить безопасность обращайтесь к местной экстренной и профильной помощи, а не продолжайте письменную практику.

Если вы только плачете, злитесь, вспоминаете, видите сон или чувствуете сильный импульс, не объявляйте себя виновным за внутреннее событие. Позаботьтесь о себе и об условиях следующего выбора. Если вредное действие уже совершено, не расширяйте его фразой «теперь всё равно». Назовите точный факт, остановите серию и вернитесь к исправлению, когда сможете действовать безопаснее.

Смысл практики не в том, чтобы подобрать более приятное слово. Смысл в том, чтобы увидеть границу: чувство заслуживает заботы; действие имеет последствия; между ними иногда остаётся несколько секунд, звонок одному человеку или неотправленный черновик. В следующей главе мы разберём случаи, когда этой границы недостаточно и нужна

срочная помощь.

Глава 3. Когда нужна срочная помощь

Утром после трудного вечера Марина стояла у раковины и смотрела, как вода переливается через край стакана. Она открыла кран, отвлеклась на телефон и не заметила, что стакан давно полон. Ночью она спала около двух часов. Есть не хотелось. В голове повторялась одна мысль: «Я больше так не могу».

Эта фраза может означать очень разное. Иногда человек говорит ею: «Мне мучительно, я хочу, чтобы ближайший час закончился». Иногда — «Я боюсь, что причиню себе вред». По звучанию различие невелико, по необходимому действию — огромное. Нельзя угадывать смысл по одной фразе и нельзя автоматически считать всякую сильную боль непосредственной опасностью. Нужно задать прямые вопросы и посмотреть на наблюдаемые признаки.

Марина испугалась собственной мысли. Затем почти сразу стала себя успокаивать: она же пришла на кухню, налила воду, собиралась на работу. Значит, ничего серьёзного. Через минуту качнулась в другую сторону: если ей пришли такие слова, значит, она окончательно потеряла контроль. Оба вывода были слишком быстрыми.

Сильное переживание после расставания само по себе не

доказывает, что человек опасен для себя или других. Плач, дрожь, бессонная ночь, отсутствие аппетита, повторяющиеся мысли о бывшем партнёре и желание спрятаться от людей могут быть очень тяжёлыми, но по одному такому признаку нельзя ставить диагноз. В то же время привычка объяснять всё расставанием может задержать помощь, когда риск уже стал конкретным.

В этой главе не будет теста, который безошибочно разделяет все случаи. Его не существует в форме домашней анкеты. Будут три основания не продолжать обычную практику в одиночку: непосредственная опасность, утрата способности обеспечить базовую безопасность и резкое необычное изменение состояния. При любом из них задача меняется. Нужно не доказать себе, что вы способны справиться, а привлечь живую помощь в том месте, где вы находитесь.

Непосредственная опасность — это не просто мысль «хочу исчезнуть», хотя и такую мысль стоит принять всерьёз и обсудить со специалистом. Срочность особенно высока, если появилось намерение причинить вред себе или другому, выбран способ, подготовлены средства, назначено время, написаны прощальные сообщения, человек уже начал действовать или говорит, что не уверен, сможет ли остановиться. Сюда же относятся угрозы бывшему партнёру, поездка к нему в состоянии ярости, оружие или другой опасный предмет под рукой, опасное вождение, попытка ворваться в жильё.

Прямой вопрос не вкладывает человеку идею в голову. Если Даша слышит от Марины «я больше так не могу», полезнее спросить: «Ты сейчас думаешь причинить себе вред?» — чем отвечать: «Не говори глупостей». Затем нужны уточнения: «Ты собираешься сделать это сегодня? Ты уже что-то подготовила? Ты сейчас одна? Рядом есть то, чем можно причинить вред?» Эти вопросы могут звучать непривычно, зато они не заставляют Марину утешать подругу и скрывать правду.

Если ответ положительный, неопределённый или человек внезапно перестал отвечать после конкретной угрозы, письменное упражнение прекращается. Нужно связаться с местной экстренной службой или кризисной помощью, назвать местоположение и известные факты, привлечь взрослого, который может физически быть рядом. Номера и названия служб различаются по странам и регионам, поэтому заранее выясняют местные контакты, а не полагаются на номер из чужой книги.

Секретность здесь не является высшей ценностью. Если человек просит никому не говорить о непосредственном намерении причинить вред, близкий не обязан хранить обещание, которое оставляет его одного с опасностью. Можно сказать честно: «Я слышу, что ты просишь о тайне. Я не могу оставить тебя одного с конкретным риском. Сейчас я вызываю помощь и остаюсь на связи». Это не наказание и не предательство. Это переход к задаче, для которой дружеского

разговора недостаточно.

Даша спросила Марину прямо. Марина ответила после паузы:

— Я не собираюсь ничего с собой делать. Я хочу, чтобы выключилась голова. Я боюсь вечера, но плана у меня нет.

Даша не стала отвечать: «Тогда всё нормально». Отсутствие плана уменьшало один вид непосредственного риска, но не отменяло бессонницу, почти пустой холодильник и состояние, в котором Марина забыла закрыть воду. Она задала следующий вопрос:

— Ты можешь сейчас поесть, одеться и безопасно добраться до работы?

Марина посмотрела на мокрую столешницу. На первый вопрос она не знала ответа. За руль садиться не собиралась, но даже путь в метро казался слишком сложным. Тогда они разделили утро на ближайшие десять минут: закрыть кран, сесть, выпить несколько глотков, съесть то, что не нужно готовить, сообщить на работу о задержке. Это ещё не экстренная помощь, но уже не требование жить обычный день любой ценой.

Второе основание для срочной оценки — потеря способности заботиться о базовой безопасности. Речь не о неубранной квартире и не о пропущенной тренировке. В тяжёлую неделю многие живут менее аккуратно. Важны более простые вещи: человек не может пить и удерживать жидкость; несколько суток почти не ест; не принимает жизненно необ-

ходимое назначенное лекарство; теряется в знакомом месте; не понимает, где находится; оставляет включённый газ или огонь; не может безопасно отвечать за ребёнка или другого зависимого человека; снова и снова засыпает за рулём; не способен вызвать помощь при ухудшении.

Причины могут быть разными и не обязаны объясняться расставанием. Поэтому опасно рассуждать: «Это просто нервы, завтра пройдёт». Если человек не может обеспечить воду, тепло, безопасное место и необходимую медицинскую помощь, ему нужна очная оценка. При быстром ухудшении или непосредственной угрозе жизни — экстренная. В менее острой ситуации — срочная связь с врачом или другой местной профильной службой. Выбирать уровень помощи по книге не нужно: диспетчеру или специалисту сообщают факты, а не готовый диагноз.

Факты звучат так: «Она не ела двое суток и не может пить из-за рвоты». «Он третью ночь не спит и сегодня дважды уснул за рулём». «Она говорит, что не понимает, в каком городе находится». «Он должен забрать ребёнка, но выпил и собирается вести машину». Точные фразы помогают быстрее, чем «у него нервный срыв» или «она ведёт себя ненормально».

Если рядом ребёнок, пожилой человек или тот, кто зависит от взрослого, забота о нём становится отдельной задачей. Признать «сегодня я не могу безопасно быть единственным ответственным» не значит отказаться от него. Значит по-

звать второго взрослого, родственника, социальную или экстренную службу в зависимости от ситуации. Стыд часто заставляет скрывать состояние до момента, когда помощь становится сложнее. Ранний звонок сохраняет больше выбора.

Третье основание — резкое необычное изменение состояния. После расставания человек может плохо спать, путаться в мыслях и быть рассеянным. Но некоторые перемены нельзя автоматически считать обычной печалью: потеря связи с реальностью, голоса или образы, которых другие не воспринимают, твёрдая убеждённость в явно невозможном, крайняя спутанность, внезапное почти полное отсутствие сна вместе с необычно высокой энергией и рискованными поступками, резкая агрессия, судороги, обморок, тяжёлая одышка, боль в груди, признаки отравления или передозировки.

Этот список не предназначен для домашней диагностики. У похожих признаков бывают медицинские, психические, лекарственные и связанные с веществами причины. Именно поэтому спорить, «психология это или нет», не надо. Нужна срочная профессиональная оценка, а при непосредственной опасности — экстренная помощь.

Особенно важно не оставлять человека одного, если состояние резко изменилось после алкоголя, неизвестных таблеток или сочетания веществ. Не следует вызывать рвоту, давать ещё лекарства «для успокоения» или заставлять его ходить, чтобы не уснул, если этого не сказал специалист. Нуж-

но сообщить службе, что именно могло быть принято, сколько и когда, сохранить упаковки и следовать указаниям диспетчера. Если человек агрессивен и приближаться опасно, собственная безопасность важна: отойдите, не пытайтесь в одиночку отобрать предмет и сообщите экстренной службе точные обстоятельства.

Марина не подходила под эти признаки. Она знала, где находится, отвечала связно, не готовила причинение вреда и могла принять помощь Даши. Но это не означало, что ей следует ждать полного разрушения, прежде чем обратиться к специалисту. Между «сам справлюсь» и экстренным вызовом есть обычная плановая и срочная помощь: врач, психотерапевт или психолог с подходящей квалификацией, кризисный центр, служба поддержки работодателя, местная линия помощи. Если состояние мешает спать, есть, работать и заботиться о себе, если ухудшение держится или усиливается, разумно обратиться раньше.

Национальный институт психического здоровья США предлагает смотреть в том числе на выраженность и длительность симптомов и на то, насколько они мешают повседневной жизни. Это не переводится в универсальное число дней для каждого читателя. Практический смысл проще: когда вы всё чаще не можете выполнить базовые дела, а доступные способы поддержки не возвращают хотя бы минимальную способность действовать, вопрос о профессиональной помощи уже уместен. Не надо ждать, пока появится непосред-

ственная опасность.

Близким трудно выдерживать неопределённость. Они либо обесценивают — «все расстаются», — либо берут на себя невозможную роль круглосуточного наблюдателя. Даша могла помочь Марине позвонить, приехать на час, убрать алкоголь и остаться до прихода сестры. Она не могла гарантировать, что Марина всю ночь будет в безопасности, если та сообщит о конкретном намерении причинить себе вред. В таком случае нужна не более самоотверженная Даша, а служба, способная оценить риск и действовать на месте.

Если вы помогаете другому, не обещайте того, чего не выполните. Вместо «я ни на секунду тебя не оставлю» лучше: «Я остаюсь на телефоне, пока едет помощь»; «Я могу приехать к восьми и быть два часа»; «Я звоню твоему брату, потому что он ближе»; «Если ты не откроешь дверь после конкретной угрозы, я вызову экстренную службу». Ограниченная ясная помощь надёжнее героического обещания, которое рухнет через час.

Иногда угроза причинить себе вред звучит в разговоре с бывшим партнёром: «Если не приедешь, я не отвечаю за себя». Получатель такого сообщения оказывается перед жестоким ложным выбором — вернуться в отношения или считать себя виновным. Правильный ответ не состоит ни в споре, ни в тайном самостоятельном спасении. Угрозу нужно передать местной экстренной службе или близкому, который может действовать на месте, сообщив точные слова и адрес, если он

известен. Возвращаться в отношения ради контроля чужой безопасности не является планом помощи.

Это относится и к Марине, если подобное сообщение однажды придёт от Ильи. Она может отнестись к угрозе серьёзно, вызвать помощь и не ехать одна. Она не должна доказывать любовь присутствием и не обязана оценивать искренность угрозы. Проверкой занимается не бывший партнёр.

С другой стороны, нельзя использовать срочную помощь как способ наказать человека за неудобные чувства. Если кто-то плачет, злится или отказывается продолжать разговор, это ещё не основание вызывать силовое вмешательство. Нужны конкретные признаки опасности или резкого нарушения безопасности. Если сомнение сохраняется, можно позвонить в местную кризисную или медицинскую службу, описать факты и спросить, что делать, не навешивая диагноз.

В десять утра Марина сообщила руководителю, что возьмёт половину дня по состоянию здоровья. Затем позвонила в клинику, где раньше была у терапевта, и записалась на ближайшее время. Даша приехала с едой не потому, что Марина была «на грани» в красивом драматическом смысле, а потому, что две головы лучше решали скучные задачи утра. Они записали местные номера помощи, адрес ближайшего приёмного отделения, телефон сестры Марины и договорились, по какому признаку перестанут обсуждать и начнут звонить.

Договор звучал просто: если Марина скажет, что намерена

причинить себе или кому-то вред, начнёт готовиться, перестанет понимать, где находится, не сможет обеспечить воду и безопасное место либо её состояние резко изменится, Даша привлекает срочную помощь. Если Марине тяжело, но непосредственной опасности нет, они используют ограниченный звонок, еду, отдых и запланированный контакт со специалистом. Этот договор не гарантировал спокойной ночи. Он убирал необходимость заново изобретать решение в самый тяжёлый момент.

Практика этой главы — местный план безопасности. Делайте её не на пике, а в более ровное время. Если опасность уже непосредственная, не заполняйте список: обращайтесь в местную экстренную службу и зовите человека, который может быть рядом.

Сначала запишите своё точное местоположение: адрес, подъезд, этаж, код или ориентир, который поможет вас найти. Не полагайтесь на то, что в тяжёлый момент легко вспомните индекс или объясните дорогу.

Затем найдите и запишите контакты, действующие именно там, где вы живёте: местную экстренную службу, ближайшее место срочной медицинской или психиатрической помощи, кризисную линию, если она доступна. Проверьте часы работы. Номер из другой страны не считается готовым контактом.

Выберите двух живых людей. Для каждого укажите, что он реально может сделать: приехать, принять звонок, забрать

ребёнка, побыть рядом до помощи, вызвать службу и назвать адрес. Спросите согласие заранее. Друг не становится круглосуточным дежурным только потому, что его имя записано.

Назовите своими словами признаки перехода к срочной помощи. Например: «Я намерен причинить вред и начал готовиться»; «я не уверен, что смогу остановиться»; «я перестал понимать, где нахожусь»; «я не могу обеспечить воду, тепло или необходимое лекарство»; «моё состояние резко изменилось, я не сплю и совершаю опасные поступки»; «рядом со мной человек, которому угрожает непосредственная опасность».

Отдельно запишите, что нужно сделать с доступом к опасным средствам. Это может быть передача ключей от машины трезвому человеку, уход из помещения с оружием, передача лекарств ответственному взрослому для хранения в соответствии с назначением, отказ ехать к бывшему партнёру. Не выполняйте опасное изъятие в одиночку и не отменяйте назначенное лечение самостоятельно. При сомнении спросите врача или экстренную службу.

В последней строке напишите фразу, которую можно прочитать вслух: «Мне нужна срочная помощь. Я нахожусь по адресу… Я думаю о причинении вреда / не могу обеспечить безопасность / моё состояние резко изменилось. Рядом со мной… Я уже принял…» Оставьте место для точных фактов.

Положите план туда, где он доступен без долгого поиска,

и передайте копию согласившемуся человеку. Пересмотрите контакты, если переехали или службы изменились. Этот лист не заменяет составленный со специалистом подробный план и не обещает предотвратить любой кризис. Его задача скромнее: сократить путь от признака опасности к живой помощи.

После составления плана вернитесь к одному вопросу: есть ли опасность сейчас? Если да или вы не уверены, не переходите к следующей главе. Позвоните в местную службу, сообщите факты и привлеките человека рядом. Если непосредственной опасности нет, но сон, еда, работа или уход за собой заметно ухудшаются, назначьте профессиональную консультацию, не дожидаясь чрезвычайной ситуации.

В следующих главах мы вернёмся к короткой острой волне, при которой человек сохраняет связь с реальностью и способен следовать простым шагам. Это важная граница применимости. Карточка из четырёх строк помогает отложить сообщение и прожить ближайшее время. Она не должна подменять помощь там, где жизнь и базовая безопасность уже под угрозой.

Глава 4. Четыре шага на карточке

В половине седьмого вечера Марина вышла из продуктового магазина с пакетом, в котором лежали хлеб, яйца, йогурт и две груши. Покупка была маленькой, но далась ей как сложная работа. В магазине играла песня, которую они с Ильёй слушали в машине. Марина не убежала из очереди, не бросила корзину и даже вспомнила приложить карту лояльности. Уже на улице она увидела уведомление: Илья поставил реакцию на сообщение о коробке с его вещами.

Всего один значок. Не вопрос, не приглашение поговорить, не новое решение. Марина понимала это и одновременно чувствовала, как тело уже готовится действовать. Пакет натянул пальцы, во рту стало сухо, мысли сузились до одного требования: сейчас же спросить, почему он отвечает значком, будто четыре года можно закончить одним движением большого пальца.

Она открыла переписку. В голове сразу возникли три сообщения. Первое было злым. Второе — таким спокойным, что за спокойствием легко читалось требование объясниться. Третье начиналось словами «последний вопрос», хотя Марина знала: последним он не будет.

После предыдущей ночи у неё уже был план безопасности и договорённость с Дашей. Непосредственной опасности сейчас не было. Марина понимала, где находится, могла дой-

ти домой, могла нести пакет и выбирать следующее действие. Ей было очень больно, но она сохраняла способность выполнить несколько простых шагов. Именно для такого состояния нужна была карточка.

Карточка не должна объяснять, почему закончились отношения. Она не обязана доказывать, что впереди непременно будет новая любовь. Она не предназначена для того, чтобы за три минуты сделать человека спокойным. Её задача скромнее и важнее: провести от импульса к ближайшему решению, за которое не придётся расплачиваться утром.

На карточке четыре строки.

Первое. До указанного времени ничего не отправляю и не делаю необратимого.

Второе. Называю, где я, что вижу и на что опирается тело.

Третье. Обеспечиваю ближайшие потребности и при необходимости прошу одного человека об одной посильной вещи.

Четвёртое. Записываю вопрос и назначаю время, когда вернусь к решению.

Эти строки легко прочесть, когда сидишь с книгой в относительно ровном состоянии. На пике они могут показаться слишком простыми. Но простота здесь не недостаток. В острую минуту длинное рассуждение проигрывает одному ясному действию. Если инструкция требует вспомнить семь терминов, оценить чувство по сложной шкале и написать страницу анализа, человек скорее снова откроет переписку.

Карточка должна помещаться в поле зрения и отвечать на вопрос «что сейчас», а не на вопрос «как правильно прожить расставание вообще».

Первая строка останавливает не чувство, а поступок. Это важное различие. Марине не нужно было запрещать себе злиться на короткую реакцию Ильи. Не нужно было убеждать себя, что значок добрый, нейтральный или зрелый. Не нужно было стыдиться желания потребовать ответа. На двадцать минут требовалось только не отправлять сообщение, не звонить, не ехать к его дому, не публиковать переписку и не выбрасывать его вещи.

Остановка имеет срок. Формула «никогда больше ему не напишу» слишком велика для минуты, когда палец уже лежит на экране. Она превращает короткую задержку в приговор на всю жизнь, и человек начинает спорить с карточкой. Формула «до 18:50 ничего не отправляю» уже выполнима. В 18:50 отношения не решатся автоматически. Просто появится следующая точка выбора.

Марина посмотрела на часы: 18:31. Она написала в заметке: «До 18:55 ничего не отправляю и не иду к Илье». Почему не ровно двадцать минут? Потому что ей предстояло дойти до дома, подняться, снять обувь и поставить продукты в холодильник. Срок должен быть не красивым, а пригодным. Он достаточно короткий, чтобы в него можно было согласиться, и достаточно длинный, чтобы между импульсом и действием появились другие события.

Если действие уже началось, первая строка всё равно полезна. Набрано пять абзацев — не отправлять шестой, а убрать текст из чата. Сделан один звонок — не набирать снова десять раз. Куплен билет к бывшему партнёру — не считать покупку приказом ехать, а проверить возможность отмены и позвать помощь. Остановка не стирает сделанное, но ограничивает продолжение.

Она не должна становиться скрытой торговлей: «Я выдержу двадцать минут, и за это мне полагается ответ». Никакой сделки с реальностью карточка не заключает. Илья может не написать ни через двадцать минут, ни завтра. Задача первой строки — вернуть Марине авторство её следующего действия, а не добиться от другого человека нужного поведения.

Вторая строка возвращает внимание в настоящее. Не потому, что настоящее обязательно приятно. В тот вечер настоящее состояло из холодного воздуха, тяжёлого пакета и шума машин. Но оно было шире одного значка на экране.

Марина остановилась не посреди тротуара, а у освещённой стены аптеки, где не мешала прохожим. Она назвала про себя: «Я стою на улице у аптеки. В правой руке пакет. Передо мной синяя машина. Я слышу автобус и шаги. Обе ступни в ботинках касаются земли». Она не добавляла: «Всё хорошо». Всё не было хорошо. Она называла проверяемые факты.

Такой возврат внимания иногда называют заземлением.

В этой книге слово означает простую вещь: заметить тело и окружающий мир, не требуя, чтобы мысли исчезли. Всемирная организация здравоохранения включает подобные упражнения в руководство по обращению со стрессом: человек замечает трудные мысли и чувства, замедляется, соединяется с телом и снова направляет внимание на то, что находится вокруг. Это не доказательство того, что одна техника подходит каждому, и не обещание снять боль. Для карточки достаточно бытового смысла: прежде чем решать судьбу отношений, увидеть комнату или улицу, в которой вы на самом деле находитесь.

Некоторым людям сосредоточение на теле неприятно или усиливает тревогу. Тогда не нужно закрывать глаза, глубоко дышать или искать внутри особое ощущение. Можно оставить глаза открытыми и назвать внешние факты: цвет двери, номер автобуса, температуру чашки, три прямоугольных предмета, звук холодильника. Если и это ухудшает состояние, шаг сокращают до ориентации: имя, дата, место, безопасное следующее действие. Карточка служит человеку, а не человек упражнению.

Возвращение в настоящее не равно согласию с расставанием. Марина не говорила себе, что Илья прав. Она не отказывалась от будущего разговора только потому, что заметила синюю машину. Она делала более узкую работу: переводила часть внимания с воображаемого диалога на фактическую обстановку. Это важно ещё и потому, что обстанов-

ка предъявляет требования. На улице нужно не попасть под машину. За рулём нужно остановиться в безопасном месте, а не читать карточку на ходу. Рядом с ребёнком нужно убедиться, что он под присмотром. На работе с оборудованием нужно сначала завершить опасную операцию.

Третья строка звучит буднично: обеспечить ближайшие потребности. На фоне огромной потери стакан воды может казаться издевательски мелким. Но карточка не утверждает, что вода решает расставание. Она исходит из другого: решение о сообщении принимает живой человек, который мог не есть восемь часов, замёрзнуть на остановке, забыть назначенное лекарство или остаться один в квартире, хотя сейчас ему полезен короткий разговор.

Марина спросила себя не «что вернёт мне нормальную жизнь», а «что нужно на ближайший час». Ответ получился конкретным: дойти домой по освещённой улице, поставить продукты в холодильник, выпить воды, съесть йогурт и не оставаться в тишине сразу после входа. Она включила разговорную радиопередачу, не связанную с отношениями. Потом написала Даше: «У меня сильный импульс отправить сообщение. Можешь в 18:50 принять от меня одно слово “дома”? Отвечать подробно не нужно».

Это была одна просьба одному человеку. Даша могла согласиться или отказать. Марина не писала: «Не оставляй меня сегодня». Такая просьба слишком неопределённа: непонятно, сколько часов длится «сегодня», что именно должен

делать друг и что случится, если он заснёт. Ограниченная просьба не холоднее. Она честнее распределяет ответственность.

Через минуту Даша ответила: «Да. Жду “дома” до 19:00. Если не будет, один раз позвоню». Условие стало ясным. Оно не превращало Дашу в диспетчера всей ночи. В другой день она могла бы написать: «Сейчас не могу, позвони сестре» — и это не означало бы, что Марину бросили второй раз. Поддержка остаётся поддержкой только тогда, когда у другого человека есть право на границы.

Ближайшая опора бывает физической и социальной. Физическая — вода, еда, тепло, безопасное место, туалет, очки, заряд телефона, назначенное врачом лекарство по обычной схеме, возможность лечь. Социальная — один согласившийся человек, плановый приём, короткий звонок, присутствие коллеги на сложной задаче. Не нужно выполнять весь список. Нужно заметить одну-две вещи, отсутствие которых делает ближайший час тяжелее или опаснее.

Карточка не советует самостоятельно менять дозировку лекарства, смешивать успокоительные средства, использовать алкоголь как способ выключиться или садиться за руль после веществ. Она не заменяет медицинское назначение. Если состояние резко изменилось, человек не может обеспечить базовую безопасность или возникла непосредственная опасность, возвращаются не к третьей строке, а к плану из предыдущей главы и живой местной помощи.

Четвёртая строка назначает решение. Она особенно важна, потому что одна задержка без срока часто ощущается как бессмысленное мучение. Человеку говорят «не пиши», а что делать с вопросом, который кажется неотложным, не объясняют. В результате вопрос продолжает крутиться и каждые две минуты требует нового суда.

Марина записала: «Вопрос: нужно ли отвечать Илье на реакцию и спрашивать, почему он так сухо общается? Вернусь к вопросу завтра в 11:30 после сна, завтрака и утренней сметы». Она не обещала себе правильного решения. Она назначила условия, в которых сможет подумать: не ночью, не голодной, не на улице и не в первые минуты после уведомления.

Назначенное время должно быть правдоподобным. «Когда полностью успокоюсь» — не время. «Через год» — чаще всего попытка избавиться от вопроса. «Завтра после завтрака в 10:00» — время. Для рабочего решения это может быть «в 15:30 после совещания, рядом с коллегой». Для ночного сообщения — «в 9:00 после сна или, если не спал, после еды и разговора с человеком, которому доверяю». Если вопрос юридический, финансовый или связан с безопасностью, к сроку добавляют консультацию нужного специалиста, а не решают его по карточке.

Иногда ждать до завтра нельзя: нужно забрать ребёнка, сообщить о болезни, перекрыть воду, ответить службе доставки или вызвать помощь. Тогда откладывают не любое

действие, а эмоционально нагруженную часть. Можно написать: «Получила. Заберу в 19:00» — и не добавлять выяснение отношений. Можно вызвать экстренную службу, не продолжая спор. Можно сообщить руководителю, что сегодня не выйдете, и не раскрывать всю историю. Срочность одной практической детали не делает срочным весь разговор.

В 18:47 Марина была дома. Она поставила пакет на стол и заметила, что всё ещё держит телефон в руке. Значок Ильи не исчез, злость тоже. Это важный момент: карточка сработала, хотя Марина не успокоилась. Успехом было не приятное чувство. Успехом стали четыре наблюдаемых действия: сообщение не отправлено, внимание хотя бы частично вернулось к улице и квартире, ближайшие потребности названы, вопрос получил время.

Она отправила Даше одно слово: «Дома». Потом съела половину йогурта. В 18:55 таймер прозвучал, и Марина почувствовала новый рывок: срок закончился, значит, теперь можно писать. Но срок не был разрешением. Это была точка повторной оценки.

Марина перечитала вопрос и спросила себя: появились ли за двадцать четыре минуты новые факты? Нет. Стало ли сообщение безопаснее и яснее? Нет. Требуется ли ответ до утра по практической причине? Нет. Тогда она перенесла решение не из трусости и не как игру, а согласно четвёртой строке — на 11:30 следующего дня.

Так карточку можно пройти несколько раз. Она не обя-

зана победить волну с первого круга. Первый срок может быть десять минут, второй — до конца поездки, третий — до утра. Важно, чтобы каждый круг включал не только запрет на действие. Если человек просто сидит перед открытым чатом и считает секунды, задержка превращается в пытку. Нужно снова вернуть внимание в место, обеспечить ближайшее и увидеть назначенный срок.

Карточку лучше составлять заранее, а не изобретать на пике. Марина сделала две версии. Бумажную положила в отделение кошелька перед банковской картой. Электронную закрепила в заметках, но не хранила внутри переписки с Ильёй: путь к инструкции не должен проходить через то, что запускает импульс.

Её бумажная версия выглядела так.

До ничего не отправляю, не звоню и не еду к Илье.

Я нахожусь . Вижу . Тело опирается на .

На ближайший час мне нужны . Одного человека прошу о .

Вопрос . Вернусь к решению в после .

Ниже мелкими буквами она добавила: «Если есть непосредственная опасность или я не могу обеспечить безопасность, не заполняю карточку — использую план помощи». Эта строка не нужна для запугивания. Она не позволяет применять бытовой инструмент там, где нужна другая помощь.

У другого человека карточка будет иной. Если бывший партнёр не Илья, имя лучше не вписывать навсегда, а напи-

сать «адресату». Если импульс связан не с сообщением, а с покупкой билета, публикацией, алкоголем или поездкой, первая строка должна называть именно это действие. Общая фраза «не срываться» почти бесполезна. Наблюдаемая фраза звучит так: «До 22:00 не публикую фотографию», «до приезда сестры не сажусь за руль», «до утра не принимаю решение об увольнении».

Не стоит перегружать карточку мотивирующими лозунгами. «Я сильная», «я выбираю себя», «всё случается к лучшему» могут не совпадать с тем, что человек чувствует. Тогда приходится спорить ещё и с красивой фразой. Лучше, если каждая строка проверяема. Отправлено или нет. Названо место или нет. Выпита вода или нет. Просьба сформулирована или нет. Время назначено или нет.

Не нужно превращать карточку в экзамен. Марина могла забыть назвать пять предметов и всё равно не отправить сообщение. Могла выпить воду, но не поесть. Могла попросить Дашу слишком широко, а потом уточнить просьбу. Частичное выполнение — не провал. В остром состоянии полезен любой шаг, который уменьшает скорость необратимого действия и приближает живую поддержку.

Есть и обратная ошибка: использовать карточку, чтобы никогда не принимать решений. Если Марина каждый день переносит один и тот же практический вопрос и из-за этого не может забрать документы или закрыть общий платёж, откладывание перестаёт защищать. Поэтому четвёртая строка

всегда содержит срок и условия возвращения. В назначенное время вопрос рассматривают, при необходимости с юристом, врачом, финансовым специалистом или человеком, который помогает удерживать факты. Карточка создаёт паузу, а не вечную отсрочку жизни.

Утром в 11:30 Марина открыла запись. Ночь была неровной, но она поспала пять с половиной часов, поела и закончила срочный расчёт. Реакция Ильи по-прежнему казалась ей холодной. Однако теперь она увидела, что вопрос «почему ты так сухо общаешься?» не имел ответа, который мог бы ей помочь. Если Илья ответит «потому что всё закончилось», станет больнее. Если скажет «не хотел тебя ранить», Марина начнёт искать надежду. Если промолчит, появится новая волна. Практического дела в сообщении не было.

Она решила не отвечать на реакцию. Это решение не доказывало, что молчание всегда правильно. В другой ситуации понадобится короткий практический ответ. Важно другое: решение было принято не у стены аптеки в 18:31, а в назначенное время, когда у Марины было больше доступного внимания.

Карточка не сделала её безразличной. После решения она снова заплакала, и это не отменяло результата. В главе о срыве мы уже разделили переживание и поступок. Здесь это различие становится рабочим: человек может выполнить четыре шага и всё равно горевать, злиться, дрожать, плохо спать. Цель не в том, чтобы заслужить право на решение идеаль-

ным спокойствием. Цель — увеличить расстояние между сильным импульсом и действием настолько, насколько сейчас возможно.

Практика этой главы — написать личную карточку и один раз испытать её в спокойное время.

Возьмите бумагу, которая помещается в кошелёк, или создайте короткую закреплённую заметку. В первой строке назовите своё типичное импульсивное действие и короткий срок остановки. Не пишите «держаться» или «вести себя разумно». Напишите: «До 21:20 не отправляю сообщения и не звоню» либо другую точную фразу.

Во второй строке оставьте три простых поля: где нахожусь, что вижу или слышу, на что опирается тело. Выберите внешние признаки, если внимание к телу вам неприятно. Не требуйте от себя закрывать глаза или дышать особым образом.

В третьей строке перечислите не больше четырёх ближайших опор, которые действительно доступны: вода, простая еда, тёплая одежда, безопасное место, назначенное лекарство по обычной схеме, один согласившийся человек. Рядом заранее запишите пример ограниченной просьбы: «Можешь десять минут побыть на телефоне, пока я иду домой?» или «Можешь в девять проверить, что я не сел за руль?» Получите согласие человека, прежде чем считать его частью плана.

В четвёртой строке оставьте место для вопроса, точного времени и условий пересмотра: после сна, еды, завершения

дороги, разговора со специалистом. Не назначайте срок «когда отпустит». Выберите время по часам или событие, которое действительно наступит.

На обороте напишите границу: при непосредственной опасности, резком необычном изменении состояния или невозможности обеспечить базовую безопасность вы используете местный план помощи, а не эту карточку. Если такая опасность есть сейчас, практика заканчивается: обращайтесь в местную экстренную службу и зовите человека, способного быть рядом.

Проверьте карточку в обычный момент. Представьте уведомление, вечернюю тишину или случайную песню и прочтите четыре строки вслух. Уберите лишние слова, на которых спотыкаетесь. Засеките, можете ли найти карточку за полминуты. Если она лежит в глубине переписки, перенесите. Если бумага всё время остаётся дома, сделайте вторую копию.

В конце не оценивайте, достаточно ли вы сильны для расставания. Проверьте только четыре вещи: какое действие остановите, чем вернётесь в настоящее, что обеспечите на ближайшее время и когда снова откроете вопрос. Этого достаточно для карточки. Не для всей новой жизни — для следующего промежутка, в котором решение снова станет вашим.

Глава 5. Шаг первый: ничего не отправлять

В среду в 22:14 Марина лежала в постели с выключенным светом и держала телефон в двадцати сантиметрах от лица. Спать она легла рано, но сон не пришёл. На экране была фотография, которую знакомая выложила с открытия бара: общий стол, несколько людей, Илья в дальнем углу. Рядом с ним сидела женщина в красном свитере. По снимку нельзя было понять, знакомы ли они, разговаривали ли и пришли ли вместе. Для Марины этих неизвестных оказалось достаточно, чтобы за две минуты построить целую историю.

Она открыла чат с Ильёй и написала: «Не прошло и месяца. Теперь хотя бы понятно, почему ты так торопился уйти». Перечитала. Удалила последнюю фразу. Добавила: «Можешь не отвечать». Потом приписала ещё четыре строки, каждая из которых требовала ответа сильнее предыдущей.

Марина не собиралась угрожать или оскорблять. Ей казалось, что она лишь называет очевидное и защищает своё достоинство. Но факта у неё не было. Была фотография, ночь, недосып и догадка. Сообщение не могло надёжно установить правду. Оно могло только втянуть её в разговор, к которому ни она, ни Илья не соглашались.

Первый шаг карточки звучит просто: до назначенного времени ничего не отправлять. В этой главе мы разберём его отдельно, потому что между решением «не отправлю» и фактической отправкой есть несколько секунд, в которые палец действует быстрее рассуждения. Одного доброго намерения бывает мало. Нужна техническая задержка.

Техническая — значит устроенная в окружающей обстановке, а не зависящая целиком от силы воли. Если чашка стоит на краю стола, её отодвигают, а не дают себе клятву никогда не задевать локтем. Если сообщение уже набрано в поле чата, кнопка отправки находится слишком близко. Первое действие — убрать текст от кнопки.

Марина выделила сообщение, скопировала его в отдельную заметку и очистила поле ввода. Это заняло меньше минуты. Она не удаляла текст навсегда и не заставляла себя признать его глупым. Возможность вернуться к словам осталась, но случайное касание уже не отправило бы их Илье.

Иногда копировать опаснее, чем удалить: человек будет десять раз редактировать черновик и всё сильнее разгонять спор. Тогда лучше перенести в бумажный блокнот только один вопрос: «Что я хочу получить этим сообщением?» Сам текст можно стереть. Если вам важно сохранить его для разговора со специалистом или для разбора утром, храните не в чате и не в окне, из которого его легко переслать.

Марина поставила таймер на двадцать минут. В 22:36 она должна была не обязательно принять окончательное реше-

ние, а снова оценить отправку. Почему двадцать? Не потому, что существует волшебная длительность, после которой любой импульс проходит. Для одного состояния подойдут десять минут, для другого — час или ночь. Двадцать минут были для Марины сроком, на который она могла согласиться без ощущения, что у неё отняли право говорить навсегда.

Срок должен быть конкретным. «Позже» оставляет спор открытым каждую секунду. «Никогда» вызывает сопротивление. «До 22:36» создаёт границу. До неё решение не пересматривается, если не возникла практическая чрезвычайная ситуация. Фотография в чужой ленте такой ситуацией не была.

Ничего не отправлять означает больше, чем не нажать одну кнопку. Можно не написать в мессенджере, но поставить многозначительный статус, отправить письмо, перевести один рубль с комментарием, позвонить с чужого номера, написать сестре бывшего партнёра или попросить общего знакомого передать слова. Если все эти пути ведут к одной цели — вызвать реакцию прямо сейчас, — задержка распространяется на них тоже.

Это не общий запрет на общение. В отношениях могут оставаться практические вопросы: ребёнок, ключи, аренда, документы, здоровье, работа. Но эмоциональный импульс часто прикрепляется к практическому поводу. Сообщение начинается с «когда заберёшь зарядку?» и заканчивается «а ей ты тоже говорил, что не готов к отношениям?». На вре-

мя задержки полезно разделить два слоя. Если практическая часть терпит до утра, откладывают всё. Если не терпит, отправляют только минимальный факт и время.

Например: «Завтра мастер придёт с 9 до 11. Нужен доступ к щитку. Подтверди до 8:30, что ключ у консьержа». Это сообщение проверяемо и ограничено. Фраза «Странно, что для бара время есть, а на ключ нет» уже относится к другому разговору и ждёт назначенного срока.

Марине не требовалось писать ничего практического. Она положила телефон экраном вниз на комод, но через тридцать секунд взяла снова. Такое возвращение не означало, что шаг провален. Техническая задержка редко строится одним красивым движением. Нужно увеличивать число действий между импульсом и отправкой.

Она включила режим, в котором уведомления от Ильи не показывались на экране блокировки, убрала ярлык мессенджера с первой страницы и отнесла телефон в кухню. Экстренные звонки оставались доступны. Затем поставила обычный будильник на тумбу, чтобы не оправдывать присутствие телефона необходимостью проснуться.

Не каждое ограничение подходит каждому. Нельзя оставлять телефон далеко, если вы ждёте звонка о ребёнке, дежурите, живёте один с серьёзным заболеванием или используете устройство для связи с экстренной помощью. Тогда меняют не доступ ко всему телефону, а доступ к конкретному чату: архивируют его, отключают предварительный про-

смотр, выходят из приложения на планшете, просят доверенного человека поставить временное ограничение, сохраняя звонки. Безопасность важнее идеальной цифровой тишины.

Не стоит отдавать другому человеку пароль от всех аккаунтов или просить его читать переписку без необходимости. В момент боли легко согласиться на вторжение, о котором потом пожалеешь. Достаточно ограничить один путь: подержать телефон десять минут, побыть рядом, принять черновик в бумажном виде, помочь отключить уведомление. Поддержка не требует лишать взрослого человека всей приватности.

Первые три минуты Марина ходила из спальни в кухню и обратно. В голове звучало: если она промолчит сейчас, то позволит Илье переписать историю. Эта мысль придавала отправке моральную срочность. Будто сообщение нужно было послать не ради ответа, а ради справедливости.

Она записала на бумаге: «Что случится, если я не отправлю до 22:36?» Ответы получились пугающими, но при проверке не срочными. Илья может решить, что ей всё равно. Женщина в красном свитере может остаться рядом с ним. Марина потеряет шанс задать вопрос в нужную секунду. Ни одно предположение не менялось от двадцатиминутной паузы. Если отношения уже завершены, молчание до 22:36 не завершает их повторно. Если на фотографии есть важный факт, он не исчезает через двадцать минут.

Иногда срочность реальна. Если бывший партнёр сообща-

ет, что ребёнок не вернулся домой, в квартире пожар или он намерен причинить вред, нельзя просто включить таймер и ждать. Нужно действовать по фактам: связаться с местной экстренной службой, обеспечить безопасность ребёнка, сообщить точное местоположение. При угрозе вреда не ведут переговоры о любви и не едут в одиночку спасать человека. Передают угрозу тем, кто может оценить риск и помочь на месте.

Но большинство ночных сообщений о чувствах не теряют смысл за двадцать минут. Именно это и проверяет задержка: что изменится не в переживании, а во внешней ситуации, если я не отправлю сейчас? Если ответ состоит только из предполагаемой оценки бывшего партнёра — «он подумает, что я слабая», «она забудет меня», «он привыкнет без меня» — практической срочности нет.

На седьмой минуте Марина пошла на кухню за телефоном. У двери остановилась и произнесла: «Я могу взять его, но до 22:36 не отправляю». Запрет не должен превращать устройство в магический предмет. Она могла пользоваться телефоном. Вопрос был не в касании, а в действии.

Марина написала Даше не весь черновик, а короткую фразу: «Увидела фото, хочу предъявить Илье. У меня задержка до 22:36. Можешь не обсуждать фото, а просто спросить потом, отправила ли?» Даша ответила: «Могу. Напишу в 22:40». Это была подходящая роль. Если бы Даша начала расследовать, кто женщина в красном, задержка преврати-

лась бы в коллективное разжигание догадок.

Полезно заранее сказать человеку поддержки, чего от него не нужно. Не анализировать бывшего партнёра. Не искать сведения в социальных сетях. Не доказывать, что он ужасен или что непременно вернётся. Не пересылать сообщение вместо вас. На короткое время достаточно одного вопроса: «Отправка всё ещё отложена?»

Есть соблазн заменить сообщение бывшему партнёру десятью сообщениями друзьям. Иногда разговор действительно помогает. Но бесконечное повторение одной сцены может поддерживать возбуждение и лишать друзей сна, не приближая решение. Ограниченная просьба лучше: десять минут побыть на связи, прочитать одну фразу, напомнить срок. После этого человек возвращается к следующему конкретному делу.

Задержка не должна быть наказанием. Нельзя приказать себе двадцать минут стоять у стены, не плакать и думать о последствиях. Такое ожидание лишь делает кнопку отправки наградой за мучение. В следующей главе мы подробно разберём, чем заполнить паузу. Пока достаточно выбрать занятие, которое занимает руки и не производит новых последствий: умыться, убрать продукты, сменить постельное бельё, разогреть еду, выйти с собакой по знакомому безопасному маршруту, сложить одежду на завтра.

Марина выбрала душ, но оставила телефон в кухне. В воде её мысли не стали ясными. Она произнесла вслух половину

будущего спора и дважды чуть не вышла проверить экран. Всё же к 22:31 волосы были вымыты, а сообщение оставалось в заметке. Это и есть технический смысл паузы: время заполняется событиями, в которых отправка физически менее доступна.

Некоторые занятия для задержки не подходят. Алкоголь и другие вещества могут снизить контроль и усилить импульсивность; их нельзя считать способом переждать решение. Вождение требует внимания, поэтому нельзя садиться за руль, чтобы «проветриться», если вы плачете, не спали, выпили или постоянно смотрите на экран. Интенсивная тренировка может быть неуместна при плохом самочувствии. Безопасное занятие должно быть простым именно для вашего состояния.

В 22:36 прозвучал таймер. Марина вернулась к заметке. Первое желание было переслать текст без изменений: срок выдержан, значит, она заслужила отправку. Но таймер ничего не разрешает. Он только открывает повторную проверку.

Проверка состоит из четырёх коротких вопросов.

Какой проверяемый факт появился за время задержки?

Какую цель должно выполнить сообщение?

Может ли адресат реально выполнить эту цель одним ответом?

Станет ли мне безопаснее и яснее, если ответа не будет или он будет неприятным?

Новый факт не появился. Цель Марины была двойной:

узнать, кто сидит рядом с Ильёй, и заставить его признать, что он поступил с ней нечестно. Первый вопрос он мог бы формально закрыть, но фотография не давала Марине права на ночной допрос. Вторую цель нельзя было выполнить одним ответом: даже извинение не вернуло бы четыре года и не убрало бы подозрение. Отсутствие ответа почти наверняка усилило бы волну.

Она не отправила сообщение и назначила новый срок — до 12:00 следующего дня. Это не обязательный исход каждой задержки. Иногда после паузы человек отправляет короткое, уважительное и необходимое сообщение. Иногда сохраняет вопрос для планового разговора. Иногда понимает, что сообщение должно быть адресовано не бывшему партнёру, а юристу, врачу, руководителю или другу. Иногда удаляет текст.

Главное — не оценивать решение по тому, насколько оно производит впечатление достоинства. Молчание может быть и зрелым выбором, и способом наказать. Сообщение может быть и ясным практическим действием, и попыткой втянуть другого в бесконечное объяснение. Важны цель, факты, согласие на разговор и последствия.

Утром Марина посмотрела фотографию на большом экране. Женщина в красном сидела не рядом с Ильёй, а через проход; перспектива телефона сжала расстояние. Это всё ещё ничего не говорило об их знакомстве. Марина почувствовала одновременно облегчение и стыд. Стыд предлагал

новый импульс: написать Илье уже не обвинение, а признание — «представляешь, я чуть не устроила сцену» — и таким образом снова открыть контакт.

Задержка понадобилась второй раз. Повод изменился, цель осталась прежней: добиться близости через сообщение. Марина поставила десять минут и спросила себя, нужно ли Илье участвовать в разборе её неотправленного текста. Нет. Она рассказала об этом на запланированной консультации и оставила чат закрытым.

Неотправленное сообщение иногда воспринимают как ложь: «Если я это чувствую, я обязан сказать». Но чувство остаётся настоящим, даже если адресат не получает каждую его формулировку. Честность не требует немедленной доставки всего внутреннего содержания. Взрослый человек выбирает время, форму и получателя. Можно честно признать себе ревность и не предъявлять обвинение без фактов.

Другой страх звучит так: «Если я постоянно откладываю, меня никогда не услышат». Эта книга не учит молчать в любых отношениях. Она посвящена уже состоявшемуся разрыву и острым волнам после него. Если существует согласованный разговор о практических делах или возможность спокойно подвести итоги, к нему можно готовиться. Но ночная отправка на пике редко создаёт то слушание, которого не было днём. Задержка сохраняет шанс выбрать более подходящий разговор или отказаться от бессмысленного.

Особенно трудно не отправлять, когда сообщение уже

прочитано адресатом, а ответа нет. Человек начинает дополнять первое: «Ты видел?», «Можно хотя бы ответить?», «Я всё поняла». Каждая новая строка на минуту снимает беспомощность, но увеличивает зависимость от следующей реакции. В такой ситуации первый шаг формулируют точно: «До 9:00 не отправляю второе сообщение». Первое уже нельзя вернуть, зато серию можно остановить.

Если вы отправили одно сообщение во время задержки, не объявляйте весь вечер потерянным. Остановитесь на следующем. Перенесите черновик. Назовите новый срок. Позовите ограниченную поддержку. Ошибка не обязывает продолжать. Человек, который съехал на обочину после неверного поворота, не обязан ехать в противоположную сторону до рассвета.

Если сообщение содержит угрозу, раскрытие чужих личных данных, интимные материалы, финансовый вред или намерение приехать без согласия, задача серьёзнее обычной задержки. Не отправляйте и не публикуйте. Уберите доступ к материалам, обратитесь за живой поддержкой, а при риске причинения вреда используйте местную экстренную помощь. Юридические последствия зависят от страны и обстоятельств; книга не заменяет консультацию юриста.

Практика этой главы — двадцать минут без отправки. Выполняйте её при сильном импульсе, когда непосредственной опасности нет и вы способны следовать простой инструкции. При опасности переходите к местному плану помощи.

Сначала назовите одно действие, которое откладываете. Не «не срываться», а «не отправлять сообщение Илье», «не звонить», «не публиковать снимок», «не ехать по адресу». Если путей несколько, перечислите их одной строкой.

Затем уберите черновик от кнопки. Перенесите его в отдельную заметку или на бумагу, очистите поле чата, закройте приложение. Не редактируйте текст во время задержки.

Назначьте точное время повторной проверки. Начните с двадцати минут, если этот срок для вас выполним. Можно выбрать десять минут или время окончания безопасного дела. Поставьте обычный таймер и запишите: «До не отправляю».

Увеличьте расстояние до действия, не перекрывая экстренную связь. Положите телефон в другую комнату, архивируйте чат, отключите предварительный просмотр или попросите человека подержать устройство. Выберите один способ, который не создаёт новых рисков.

Сообщите одному человеку ограниченную просьбу, если она нужна: «В спроси меня, отправил ли я». Не просите расследовать ситуацию и не требуйте постоянной доступности.

До таймера займитесь простым безопасным делом, в котором руки и внимание хотя бы частично заняты. Не используйте алкоголь, опасное вождение, спор в социальных сетях или слежение за страницами бывшего партнёра как заполнение паузы.

Когда таймер прозвучит, не считайте это разрешением.

Ответьте письменно на четыре вопроса: какой новый факт появился; какова цель сообщения; может ли адресат её выполнить; что произойдёт, если ответа не будет или он окажется неприятным. После этого отправьте только необходимое практическое сообщение, назначьте новый срок или удалите черновик.

Запишите итог без оценки характера: «Не отправил двадцать минут», «отправил одну практическую строку», «сорвался на одно сообщение и остановил серию». Такие формулировки показывают действие. Фразы «я тряпка» или «я железный» ничего не подсказывают для следующего раза.

Марина не узнала, кто женщина в красном свитере. Через неделю этот вопрос уже не требовал ответа. Не каждый вопрос исчезнет так же. Некоторые останутся важными и потребуют разговора. Но двадцать минут дали ей возможность отличить вопрос от команды, чувство — от отправки, а право говорить — от обязанности говорить немедленно.

Глава 6. Не превращать задержку в пытку

В прошлой главе Марина выдержала двадцать минут без отправки сообщения. На бумаге это выглядит коротким техническим действием: убрать черновик, поставить таймер, вернуться к решению после сигнала. Внутри этих двадцати минут время устроено иначе. Одна минута в ожидании ответа может казаться длиннее целого спокойного вечера. Если просто сидеть перед часами и запрещать себе касаться телефона, задержка быстро превращается в наказание.

Так случилось у Марины через два дня. В 19:14 она увидела, что Илья сменил фотографию профиля. Ничего о ней снимок не сообщал: обычная улица, тёмная куртка, незнакомое здание на заднем плане. Но Марина сразу начала искать смысл. Где он? Кто фотографировал? Почему он поставил эту фотографию именно сейчас? Не рассчитывает ли он, что она увидит?

Она открыла чат и набрала: «Зачем ты это делаешь?» Потом вспомнила правило, перенесла фразу в заметку и поставила таймер на двадцать минут. Телефон положила экраном вниз. Села на край дивана и стала ждать.

Первые сорок секунд она считала вдохи. Потом представила ответ Ильи: «Что именно?» Затем свой ответ, его мол-

чание, ещё одно сообщение. На второй минуте перевернула телефон, чтобы проверить таймер. На третьей открыла заметку и заменила «зачем» на «почему». На четвёртой вернула прежний вариант. К шестой минуте Марина уже решила, что упражнение бессмысленно: она ничего не отправляла, но всё это время продолжала разговор в голове и пальцами шлифовала первую реплику.

Формально задержка шла. Практически Марина оставалась у самой кнопки отправки. Она не увеличила расстояние до действия, а лишь заставила себя двадцать минут стоять перед закрытой дверью. Поэтому первым правилом заполнения паузы будет простое: занятие должно хотя бы ненадолго менять сцену. Не обязательно настроение. Не обязательно мысли. Сцену.

Если вы сидели в чате, встаньте и перейдите туда, где чат не является главным предметом перед глазами. Если лежали в кровати, поставьте ноги на пол и займитесь небольшим делом у раковины или шкафа. Если уже ходили по комнате, возьмите действие с ясным началом и концом. Смысл не в том, чтобы убежать от чувства. Смысл в том, чтобы перестать репетировать поступок каждую секунду.

Марина остановила таймер на отметке 13:08 и не стала считать попытку проваленной. Она сказала вслух: «Я не отправляю до 19:34. Теперь мою одну полку холодильника». Не весь холодильник. Не генеральная уборка. Одну полку.

Она вынула йогурт, банку горчицы, контейнер с гречкой и

два яблока. Положила их на стол. Протёрла стекло, вернула продукты, выбросила засохший ломтик лимона. Работа заняла семь минут. Мысли об Илье не исчезли. Дважды Марина представляла, что он гуляет с новой женщиной. Один раз вернулась в комнату за телефоном, увидела его на диване и не взяла. Но у семи минут появилась внешняя форма: полка была грязной, потом стала чистой; продукты стояли снаружи, потом вернулись на место.

Это первое безопасное занятие на паузу: короткое бытовое дело с видимым окончанием. Вымыть кружку и тарелку. Разобрать только содержимое рабочей сумки. Собрать одежду на завтра. Протереть стол. Сменить наволочку. Полить два растения. Вынести мусор по знакомому освещённому пути, если выход безопасен. Дело должно быть достаточно маленьким, чтобы его можно было закончить до сигнала или спокойно остановить.

Большая уборка хуже маленькой не потому, что порядок вреден. Большая задача легко становится новым требованием к себе: раз уж отношения закончились, нужно немедленно переделать квартиру, разобрать все вещи, выбросить подарки и доказать, что жизнь началась заново. Через час человек стоит среди коробок, фотографий и мусорных пакетов, а состояние стало тяжелее. Пауза предназначена не для символического переустройства жизни. Ей нужен ближайший отрезок без необратимых решений.

Поэтому не выбирайте делом на двадцать минут удаление

общей фототеки, разбор памятных вещей, возврат подарков или сбор имущества бывшего партнёра. Даже если физически это уборка, по смыслу это решение об отношениях. Отложите его до более подходящего времени. На паузе можно сложить разбросанную одежду. Нельзя требовать от себя определить судьбу каждого предмета, связанного с прошлым.

Короткое бытовое дело подходит не всем и не в любой момент. При сильной усталости даже мытьё кружки может ощущаться невозможным. Тогда задача уменьшается до одного движения: отнести кружку к раковине, собрать мусор в один пакет, положить чистую футболку на стул. Если в теле слабость, головокружение или другое тревожное изменение, не используйте уборку как проверку силы. Сядьте в безопасном месте, обратитесь за живой помощью, а при непосредственном риске действуйте по местному плану безопасности.

После холодильника Марина посмотрела на часы. До срока оставалось четыре минуты. Она налила воду, съела половину яблока и заметила, что с обеда ничего не ела. Это не объясняло всю волну и не отменяло ревность. Голод не был «настоящей причиной» её боли. Но телу было труднее выдерживать любое решение без еды. Маленькое дело привело её к факту, который можно было исправить без участия Ильи.

Второй вид занятия — спокойное действие для тела, ко-

торое не требует результата. Тёплый душ. Умывание. Стакан воды и простая еда. Переодевание в сухую удобную одежду. Медленная прогулка по знакомому безопасному маршруту. Несколько обычных потягиваний, если они вам привычны и не вызывают боли. Здесь важно слово «обычное». В острой волне не нужно устраивать испытание холодом, изнуряющую тренировку или незнакомую дыхательную практику.

Марина часто пыталась пережить вечер быстрым бегом. До расставания она дважды в неделю пробегала пять километров и знала маршрут. Но в тот день она спала четыре часа, почти не ела и плакала так, что болела голова. Бег в темноте не был подходящим заполнением паузы. Он требовал внимания к дороге и мог стать способом наказать тело за чувство. Марина выбрала душ и бутерброд.

Спокойное телесное действие не обязано успокаивать. Душ может пройти под мысленный спор. Во время еды может не быть аппетита. Прогулка может сопровождаться слезами. Мы оцениваем занятие не по исчезновению боли, а по трём признакам: оно безопасно сейчас, не создаёт новых последствий и помогает времени двигаться без подготовки импульсивного поступка.

Иногда человек говорит: «Я пробовал душ, не помогло». Стоит уточнить, чего он ожидал. Если ожидание было «через десять минут я перестану любить и ревновать», душ, конечно, не помог. Если задача звучала «десять минут не отправлять обвинение, согреться и надеть чистую одежду», ре-

зультат можно проверить. Сообщение не отправлено. Тело получило минимальный уход. Решение отложено. Для одной паузы этого достаточно.

Не всякое приятное ощущение безопасно использовать как средство задержки. Алкоголь особенно убедителен, потому что обещает быстро выключить напряжение. Но он не создаёт надёжного промежутка между импульсом и действием. У некоторых людей опьянение снижает осторожность, усиливает перепады настроения и облегчает отправку того, что трезвый человек отложил бы. Кроме того, алкоголь смешивается с лекарствами и состояниями по-разному; книга не может оценить индивидуальный риск.

Фраза «выпью один бокал и тогда решу» оставляет решение на время, когда оценивать последствия может быть труднее. Более безопасная формулировка на паузу: «До назначенного времени я не использую алкоголь как способ принять это решение». Если вы уже выпили, не садитесь за руль, не добавляйте вещества и не считайте сильную уверенность доказательством ясности. Уберите доступ к отправке, позовите трезвого надёжного человека, а при риске причинения вреда обращайтесь к местной экстренной помощи.

Опасное вождение тоже иногда маскируется под заботу о себе: «Прокачусь, проветрю голову». Если человек плачет, почти не спал, выпил, постоянно тянется к телефону или плохо замечает дорогу, машина не должна становиться комнатой для пережидания. Можно выйти из автомобиля, от-

дать ключи, вызвать безопасный транспорт или остаться в освещённом людном месте. Движение полезно только там, где оно не ставит под угрозу вас и других.

Третье занятие на паузу — нейтральная задача для внимания. Не разговор об отношениях, не исследование страниц бывшего партнёра и не попытка разгадать скрытый смысл. Подойдёт короткий знакомый текст, простой звуковой рассказ, сортировка десяти фотографий, не связанных с отношениями, складывание белья по цветам, несложная головоломка, рецепт из нескольких привычных шагов. Задача должна занимать часть внимания, но не требовать безошибочной работы.

На следующий вечер Марина получила автоматическое напоминание сервиса о концерте, куда они собирались идти вместе. Она открыла чат Ильи и набрала: «Билет тебе ещё нужен?» Вопрос выглядел практическим, однако билет уже был возвращён неделю назад, а значит, реальной задачи не существовало. Марине хотелось создать законный повод для контакта.

Она перенесла фразу на бумагу, назначила проверку через пятнадцать минут и включила знакомую запись о реставрации старого дома. Новую сложную книгу она бы не удержала в голове. Знакомый голос и понятная тема занимали достаточно внимания, чтобы не сочинять продолжение диалога каждую секунду. Одновременно Марина складывала высохшие полотенца. Через пятнадцать минут тоска осталась,

но вопрос о билете снова стал тем, чем был: поводом, а не необходимостью.

Нейтральная задача не должна быть идеальной. Если вы пять раз потеряли нить рассказа, это не значит, что пауза сорвалась. Верните запись на минуту назад или не возвращайте вовсе. Если сложили полотенце криво, не начинайте сначала. Сейчас качество вторично. Важно, что действие не производит вреда и имеет внешний предмет, кроме бывшего партнёра.

Социальные сети редко бывают нейтральной задачей после расставания. Даже если вы открыли их ради смешного ролика, один жест ведёт к поисковой строке, общим знакомым, отметкам и времени последнего входа. Слежение обещает факт, который будто бы позволит принять решение. На деле найденный фрагмент часто создаёт пять новых вопросов. Чужая фотография не объясняет отношения людей за кадром; отметка «в сети» не сообщает, с кем человек разговаривает; новая подписка не является согласованным сообщением вам.

На время задержки полезно заранее назвать слежение действием, а не безобидным просмотром. «До 20:10 я не открываю страницу Ильи, страницы его друзей и поиск по имени». Такая точность закрывает лазейку «я не писал, только посмотрел». Если приложение постоянно подталкивает к проверке, выйдите из учётной записи, уберите ярлык с первого экрана или используйте временное ограничение. Не нужно

навсегда удалять все сети в момент боли. Достаточно сделать поиск менее лёгким до назначенного времени.

Просить друга вести слежение вместо вас — тоже слежение. Фраза «посмотри, кто там с ним, но мне пока не говори» не освобождает внимание. Она превращает друга в разведчика и сохраняет ожидание результата. Ограниченная поддержка устроена иначе: друг помогает выдержать срок, поесть, добраться домой или проверить безопасность, но не собирает сведения о бывшем партнёре.

Ещё одна ловушка — бесконечное редактирование черновика. Человек говорит себе, что не отправляет, и при этом двадцать минут подбирает самую точную фразу. Каждая правка укрепляет ощущение, что сообщение должно уйти. К концу задержки текст кажется вложенным трудом, который жалко оставить. Возникает ложный довод: «Я же так хорошо всё сформулировал».

Черновик на время паузы нужно заморозить. Перенести из чата, записать один раз и закрыть. Можно добавить сверху время: «Вернуться не раньше 21:30». Нельзя улучшать аргументы, искать доказательства в старой переписке, репетировать голосовое сообщение или составлять несколько вариантов под разные ответы. Всё это не ожидание решения, а подготовка отправки.

Если мысль кажется важной и вы боитесь её забыть, запишите одно предложение о цели, не полный монолог. Например: «Хочу спросить о передаче ключа» или «Хочу, чтобы он

признал, что мне больно». Первая цель может потребовать практического сообщения в рабочее время. Вторая описывает желание, но не гарантирует, что бывший партнёр способен или согласен его выполнить. Одной строки достаточно, чтобы вернуться к вопросу после паузы.

Марина заметила, что её задержки часто заполнялись именно редактурой. Она убирала сообщение из чата, но открывала заметку каждые две минуты. Тогда она ввела правило двух поверхностей. На первой поверхности — бумажный лист с одной строкой о действии и сроке. На второй — простое занятие: раковина, душ, полотенца, еда, короткая запись. Телефон не был третьей поверхностью. Он лежал так, чтобы Марина слышала важный звонок, но не видела уведомления.

Правило не универсально. Родителю маленького ребёнка, человеку на дежурстве или тому, кто ждёт медицинского звонка, нельзя просто отключить связь. Тогда меняют не доступность телефона, а доступность конкретного чата: архивируют его, отключают предварительный просмотр, убирают приложение с первого экрана. Экстренная связь остаётся. Импульсивное действие требует на два-три шага больше.

Выбор занятия зависит от места. На работе нельзя пойти в душ или разбирать холодильник. Можно налить воду, пройти до принтера, собрать документы для одной задачи, протереть очки, проверить по списку три цифры, выйти на пять минут в безопасное место. При этом не стоит брать критич-

ную работу, где ошибка может причинить большой финансовый, медицинский или технический вред. О рабочем минимуме и проверке ошибок мы поговорим отдельно.

В общественном месте подойдёт действие, которое возвращает вас к маршруту: найти номер платформы, купить воду, сесть ближе к другим людям, прочитать названия следующих трёх остановок. Если вы слишком возбуждены, чтобы безопасно продолжать путь, остановитесь там, где можно получить помощь. Не уходите в изолированное место только ради того, чтобы никто не видел слёз. Видимые слёзы менее опасны, чем дорога, которую вы перестали замечать.

Ночью занятие должно вести к минимальному уходу, а не разгонять бодрость. Не начинайте генеральную уборку в два часа, не включайте громкую тренировку и не отправляйтесь бесцельно бродить по небезопасному району. Можно умыться, приготовить воду на тумбу, сменить наволочку, включить знакомую спокойную запись на ограниченное время, сложить одежду на утро. Ночная задача — пережить ближайший отрезок и не принимать окончательных решений, а не победить бессонницу силой.

Иногда никакое занятие не удерживается дольше тридцати секунд. Человек берёт кружку, ставит её, открывает шкаф, забывает зачем, снова тянется к телефону. Тогда полезна последовательность из трёх очень коротких действий. Например: поставить обе ступни на пол; налить воду; написать Даше: «Побудь со мной пять минут, пока я уберу теле-

фон». Каждое действие выполняется отдельно. Не нужно заранее верить, что все три помогут.

Если вы просите поддержки, не превращайте человека в надзирателя. Даша могла спросить Марину в назначенное время, отправлено ли сообщение. Она не могла гарантировать, что Марина ничего не сделает. Ответственность за безопасность не должна целиком переходить другу. При непосредственной опасности нужна не переписка с единственным близким, а местная экстренная и профильная помощь.

Занятие на паузу не обязано быть полезным в обычном смысле. Можно смотреть один знакомый эпизод лёгкого сериала, держать в руках подушку, слушать дождь из окна, медленно чистить мандарин. Если действие безопасно и не ведёт обратно к расследованию, оно выполняет задачу. Требование «провести кризис продуктивно» добавляет стыда: человек уже страдает и ещё ругает себя за то, что не выучил язык и не навёл порядок.

В то же время полное оцепенение перед экраном может незаметно вернуть к импульсу. Поэтому полезно назначить границу: один эпизод, одна запись длиной десять минут, одна чашка чая на кухне. После границы вы не обязаны почувствовать себя лучше. Вы только снова проверяете, какое действие сейчас безопасно.

Есть разница между отвлечением и отрицанием. Отрицание звучало бы так: «Мне не больно, ничего не произошло, я запрещаю себе вспоминать». Безопасная пауза говорит дру-

гое: «Мне больно, событие произошло, и двадцать минут я не буду превращать эту боль в сообщение или слежение». Чувство признаётся. Действие откладывается. Вниманию дают временную внешнюю опору.

Марина записала для себя три варианта, которые действительно работали в её квартире.

Первый: одна полка или одна поверхность — вынуть предметы, протереть, вернуть, остановиться.

Второй: вода, простая еда и душ — без тренировки, алкоголя и попытки изменить тело за вечер.

Третий: знакомая звуковая запись и десять предметов белья — без телефона в руках и без темы отношений.

Список был коротким намеренно. В момент волны каталог из пятидесяти способов превращается в ещё одно решение. Три заранее выбранных занятия уменьшают выбор. Одно может не подойти: ночью нельзя шуметь, на работе нет душа, при слабости не стоит выходить. Тогда остаются два.

Через неделю этот список пригодился в 08:20 перед совещанием. Марина увидела старое совместное фото, которое телефон показал автоматически. До встречи оставалось двенадцать минут. Она захотела переслать снимок Илье с подписью «Тебе хоть иногда жаль?» Полки и душ не подходили. Марина выбрала рабочий вариант: перенесла фразу на бумагу, закрыла галерею, налила воду и разложила перед собой три документа к совещанию. Затем попросила коллегу первой проверить итоговую сумму, потому что внимание пры-

гало.

За двенадцать минут боль не исчезла. На встрече Марина говорила медленнее обычного и один раз потеряла строку. Но фотография не стала сообщением. После совещания она назначила вопросу срок до вечера, поела и решила не отправлять. Успехом было не безупречное выступление и не спокойствие. Успехом был безопасный переход через двенадцать минут.

Если во время занятия таймер вызывает новую панику — «сейчас придётся решать» — срок можно продлить. Это не жульничество. Сигнал означает право на проверку, а не обязанность немедленно выбрать отправку или вечное молчание. Скажите: «Нового факта нет, решать сейчас не готов; следующая проверка после еды в 21:00». Важно назвать следующий срок, а не провалиться в бесконечное неопределённое ожидание.

Но продление не должно превращаться в тайный способ держать себя у телефона всю ночь. Если вопрос не срочный, его можно перенести на дневное время после сна. Если он практический и имеет реальный срок, запишите, что именно произойдёт при задержке, и выберите минимальное сообщение. Если цена ошибки высока, привлеките подходящего специалиста или надёжного человека, а не ищите ясность в истощении.

Практика этой главы — выбрать три безопасных занятия на паузу. Не универсальных и не красивых, а доступных в

вашей обычной жизни.

Сначала назовите место, где чаще всего возникает импульс: кровать ночью, кухня после работы, рабочий стол, дорога, общественный транспорт. Для каждого места возможны разные действия и ограничения.

Затем выберите одно маленькое бытовое дело с видимым концом. Запишите его так, чтобы нельзя было превратить в большой проект: «вымыть одну кружку», «сложить десять вещей», «протереть одну полку», а не «навести порядок в жизни».

Выберите одно спокойное действие для тела: вода и простая еда, душ, удобная одежда, знакомая безопасная прогулка. Уберите варианты, которые опасны именно для вас по состоянию, месту, здоровью или времени суток. Не включайте алкоголь, другие вещества, изнуряющую нагрузку и вождение при усталости или сильном возбуждении.

Выберите одну нейтральную задачу для внимания длительностью от пяти до двадцати минут. Тема не должна быть связана с бывшим партнёром. Лучше знакомое и простое, чем новое и требовательное.

Рядом запишите четыре вещи, которые только притворяются паузой: проверка страниц, просьба другу провести расследование, редактирование черновика и поиск старой переписки. Добавьте свои ловушки. У Марины это была галерея с автоматическими воспоминаниями.

Теперь составьте короткую фразу: «До я не отправляю и

не проверяю. Выбираю ». Заполните время и одно занятие. Не обещайте, что перестанете думать. Не требуйте от занятия успокоить вас.

После сигнала отметьте три наблюдаемых результата. Что вы не сделали. Что сделали. Какой следующий срок или безопасный шаг выбрали. Например: «Не открыл страницу и не отправил черновик. Выпил воды и сложил десять вещей. Проверю вопрос завтра после завтрака». Не ставьте оценку личности.

Если ни одно занятие не удерживает вас от действия, если состояние резко меняется, вы не способны обеспечить себе базовую безопасность или появляется намерение причинить вред себе или другому, письменная практика заканчивается. Используйте заранее найденные контакты местной экстренной помощи, обратитесь к живому человеку и не оставайтесь один на один с непосредственной опасностью.

Задержка нужна не для того, чтобы заслужить право на решение через мучение. Она создаёт небольшой участок времени, где поступок ещё не произошёл. Короткое дело, забота о теле и нейтральная задача дают этому участку форму. Боль может идти рядом. Телефон может оставаться в доме. Вопрос может не получить ответа. Но двадцать минут перестают быть пустой камерой ожидания и становятся частью вечера, в которой вы уже сделали три вещи: не увеличили вред, поддержали ближайшую жизнь и сохранили возможность решить позже.

Глава 7. Шаг второй: вернуться в комнату

Остановка действия оставляет свободное место. Сообщение не отправлено, страница не открыта, звонок отложен, но внимание по-прежнему находится не там, где тело. Человек сидит на кухне, а внутри уже спорит в чужой квартире. Идёт по коридору офиса, а видит прошлый разговор. Лежит в своей кровати, а отвечает на реплику, которой никто не произносил. Второй шаг нужен, чтобы вернуть часть внимания в настоящее место.

«Вернуться» не означает забыть бывшего партнёра или признать свои мысли неправильными. Не нужно выталкивать воспоминание. Чем сильнее человек приказывает себе не думать, тем чаще проверяет, получилось ли, и снова встречает ту же мысль. Задача скромнее: рядом с внутренней сценой заметить внешнюю.

Марина впервые попробовала этот шаг в офисном лифте. В 16:07 коллега упомянула ресторан, куда Марина раньше ходила с Ильёй. Коллега не знала об этой связи и продолжила рассказывать о деловом обеде. Марина услышала название, а дальше перестала различать слова. В воображении уже возник стол у окна, рука Ильи на спинке стула, их последний спор. Затем — выдуманная сцена: Илья сидит там с кем-то

другим и смеётся так, как смеялся с ней.

Двери лифта открылись. Марина вышла не на своём этаже. Это не было опасной потерей связи с реальностью: она знала, где находится и что случилось. Внимание сузилось вокруг напоминания, а привычное движение продолжилось автоматически. Марина увидела на стене цифру «6», хотя её отдел был на восьмом, и испытала новый испуг: «Я совсем разваливаюсь».

Она могла бы немедленно анализировать, почему ресторан всё ещё так действует. Могла открыть страницу заведения, посмотреть фотографии и проверить, не отмечен ли там Илья. Вместо этого Марина назвала пять фактов.

«На стене синяя цифра шесть. Двери лифта закрылись. Под правой рукой холодный металлический поручень. Слева гудит автомат с водой. Мои обе ступни стоят на сером полу».

Ни один факт не спорил с воспоминанием. Ресторан существовал. Прошлый вечер там действительно был. Марина не обязана была убеждать себя, что всё это ничего не значит. Она только добавила сведения о нынешней минуте. Через несколько секунд нажала кнопку вызова лифта и поднялась на восьмой этаж.

Так выглядит возвращение в комнату: назвать то, что можно проверить органами чувств и положением тела прямо сейчас. Не объяснение. Не оценку. Не предсказание. «Синяя цифра шесть» — факт. «Я больше не способна работать» — вывод о будущем. «Двери закрылись» — факт. «Я всегда бу-

ду одна» — страшная мысль. Мысль можно заметить, но не нужно включать её в список внешних опор как доказанную реальность.

Этот приём часто называют заземлением. Слово может звучать таинственно, хотя действие совершенно бытовое: человек снова замечает пол, свет, звук, температуру, расстояние до двери. В руководстве Всемирной организации здравоохранения по работе со стрессом возвращение внимания к телу и окружающему миру предлагается как короткая практика, которую можно выполнять в трудные моменты. Это не лечение всех причин состояния и не гарантия успокоения. Это способ расширить внимание, когда оно прилипло к болезненной внутренней сцене.

Почему мы начинаем с проверяемых фактов? Потому что на пике мозг легко превращает предположение в событие. «Он, наверное, уже счастлив» ощущается почти так же, как увиденная сцена. «Она прочитала и презирает меня» приобретает выражение лица и интонацию. Спорить с каждым предположением трудно: на один довод находится другой. Внешний факт не решает спор, но возвращает общую карту: кроме воображаемого разговора есть стол, окно, звук транспорта и тело, которому нужно безопасно пройти ближайшую минуту.

Марина сначала пыталась назвать факты красиво. «Сумеречный свет ложится на усталый город». Такая фраза подходила рассказу, но плохо помогала проверить настоящее.

Она содержала настроение и образ. Более точная версия была проще: «За окном светло-серое небо. На соседнем доме горят три окна». Чем обычнее формулировка, тем меньше места для внутреннего спора.

Полезно двигаться по трём направлениям: увидеть, услышать, почувствовать опору тела. Не обязательно называть пять предметов каждого вида. В острой волне длинная схема становится экзаменом. Для начала достаточно пяти фактов всего: два зрительных, один звуковой, два телесных. Порядок можно менять.

Зрение удобно, потому что предметы имеют края и положение. «Белая кружка стоит справа от ноутбука». «На двери прямоугольная табличка». «Зелёный автобус остановился у перехода». Вы не обязаны искать красивое или приятное. Мятая салфетка и трещина на краске тоже принадлежат настоящему.

Но смотреть нужно безопасно. Если вы за рулём, не переводите взгляд на мелкие детали в салоне и не выполняйте письменную практику. Сначала остановитесь в разрешённом месте. Если идёте через дорогу, задача одна — закончить переход. Практика не важнее движения и не должна отвлекать от опасности.

Слух возвращает время: звук начинается, меняется и заканчивается. «Гудит холодильник». «В коридоре закрылась дверь». «За окном проехала машина». Не нужно определять точный источник, если вы его не знаете. «Я слышу низкий

непрерывный шум» честнее, чем «это соседский насос», когда вы не уверены.

Некоторые звуки сами являются напоминателями. Песня, уведомление, голос похожего человека могут усилить волну. Тогда не заставляйте себя слушать их дольше. Назовите факт: «Играет песня, связанная с Ильёй; я выключаю её». После этого выберите другой звук — шаги, воду, вентилятор, собственный голос. Возвращение в настоящее не требует терпеть лишний удар.

Опора тела — это не поиск идеального спокойствия, а контакт с поверхностью. Ступни касаются пола. Спина упирается в стул. Ладонь лежит на столе. Бедро касается сиденья. Можно чуть сильнее надавить ступнями и отпустить, чтобы заметить разницу. Не нужно причинять боль, задерживать дыхание или напрягать всё тело.

Марина говорила: «Я ничего не чувствую в ступнях». На самом деле она ожидала особого сильного ощущения. Когда сняла тесные туфли под столом, обнаружила давление носка, тепло и край коврика под пяткой. «Чувствовать опору» не означает испытать умиротворение. Иногда это всего лишь заметить, что поверхность твёрдая, а одна нога затекла.

Если прикосновение к телу неприятно или усиливает тревогу, не нужно настаивать. У некоторых людей внутренние ощущения и закрытые глаза делают состояние тяжелее. Оставьте глаза открытыми, смотрите на устойчивый предмет и используйте внешние звуки. Можно держать прохладную

кружку, ткань рукава или ключи, если это безопасно. Практика подстраивается под человека, а не человек сдаёт экзамен практике.

Второй раз Марине понадобилось возвращение в комнату вечером. Она сидела на кухне и мысленно продолжала разговор, который закончился месяц назад. В воображении Илья наконец говорил: «Я испугался и всё испортил». Марина отвечала спокойно и точно. Сцена была приятнее реальности, поэтому выйти из неё оказалось особенно трудно. Возвращение нужно не только при страшных картинках. Иногда фантазия даёт желанное примирение, и настоящее рядом с ней кажется невыносимо бедным.

Марина заметила, что уже десять минут держит ложку над остывшим супом. Она назвала: «В тарелке жёлтый суп. Ложка тёплая у пальцев. Холодильник гудит. Часы показывают 20:18. Я сижу на деревянном стуле». Потом добавила: «И я снова представляю разговор». Последняя фраза не была внешним фактом, но честно обозначала происходящее в уме. Она не сказала: «Я глупая» или «я должна прекратить». Она заметила мыслительную сцену как одно из событий настоящего.

Можно использовать связку: «Я замечаю мысль о… и одновременно вижу…» Например: «Я замечаю мысль, что он никогда меня не любил, и одновременно вижу край стола». Союз «и» здесь важнее, чем «но». «Но» пытается отменить мысль предметом: будто край стола доказывает, что всё хо-

рошо. Не доказывает. «И» позволяет существовать обоим фактам: больная мысль пришла, стол поддерживает руки, следующая минута ещё содержит выбор.

Не превращайте пять фактов в спор с собой. Если на фразу «я слышу машину» внутри возникает «и что с того?», ответ прост: ничего особенного. Машина не решает расставание. Практика не обещает решения. Она помогает заметить место, из которого вы будете делать следующий шаг.

Распространённая ошибка — использовать факты как приказ успокоиться. Человек быстро перечисляет: «Стол, стул, окно, лампа, пол» — и немедленно проверяет пульс. Если состояние не изменилось, объявляет способ бесполезным. Но скорость и цель были другими: список произнесён как заклинание, от которого требовали убрать чувство.

Попробуйте задержаться на каждом факте две-три секунды. Не для медитации и не ради особого состояния. Просто проверьте формулировку. Лампа круглая или вытянутая? Звук непрерывный или прерывается? Ступня касается пола всей поверхностью или только пяткой? Такая проверка занимает внимание конкретной работой.

Другая ошибка — выбирать только приятное. В комнате может не быть пяти красивых вещей. Если человек ищет уют, а видит немытую посуду и пустой стул, он чувствует себя ещё хуже. Настоящее не обязано быть привлекательным. «На столе две тарелки» — подходящий факт. После практики можно решить вымыть одну из них, но не нужно сначала

превратить комнату в безопасную картинку.

Третья ошибка — закрывать глаза, когда с открытыми легче ориентироваться. Закрытые глаза часто предлагают в инструкциях автоматически. Однако у Марины за закрытыми глазами внутренние сцены становились ярче. Она оставляла взгляд на прямоугольнике окна и медленно поворачивала голову, чтобы увидеть границы комнаты. Это было разумной настройкой, а не неправильным выполнением.

Четвёртая ошибка — искать абсолютную точность и застревать. «Стена белая или кремовая? А вдруг я называю цвет неверно?» Для практики достаточно проверяемого бытового описания. Можно сказать: «Светлая стена». Если сомневаетесь в источнике звука, назовите сам звук. Задача — контакт, а не экспертиза.

Возвращение в комнату особенно полезно перед действием. Марина однажды уже держала палец над кнопкой звонка. Вместо того чтобы доказывать себе, что звонить нельзя, она положила телефон на стол и назвала пять фактов. На третьем заметила, что стоит у открытого окна и мёрзнет. Закрыла окно, села, поставила ступни на пол. Желание позвонить осталось, но перестало быть единственным событием в поле внимания. Тогда она смогла назначить десятиминутную задержку.

Шаги метода можно менять местами на несколько секунд. Иногда сначала человек замечает пол, потом способен убрать телефон. Иногда сначала кладёт устройство экраном

вниз, потом возвращает внимание. Важен не идеальный порядок, а сочетание: не действовать на пике и заметить настоящее достаточно, чтобы выбрать ближайшую опору.

На работе эту практику можно выполнять незаметно. Не нужно вслух перечислять мебель на совещании. Марина посмотрела на край блокнота, почувствовала пятки в туфлях, услышала голос докладчика, заметила зелёную ячейку на экране и прохладу воздуха у запястья. Затем записала последнюю произнесённую цифру, чтобы вернуться к теме встречи.

Важно не подменять возвращением полноценную проверку работы. Если внимание выпадало и цена ошибки высока, после практики нужно перечитать документ, попросить вторую пару глаз или отложить критичное действие. Пять фактов не делают человека мгновенно собранным. Они лишь помогают увидеть, что проверка сейчас необходима.

В транспорте внешние опоры особенно доступны: номер маршрута, название остановки, цвет поручня, давление сиденья, объявление. Но если состояние настолько сильное, что вы пропускаете остановки, теряетесь на знакомом пути или не можете безопасно продолжить, не ограничивайтесь упражнением. Выйдите в людном освещённом месте, свяжитесь с надёжным человеком, попросите сопровождение или используйте местную помощь по ситуации.

Дома к пяти фактам можно добавить ориентацию во времени: дата, примерный час, ближайшее безопасное дело.

«Сегодня среда, 21:10. Я дома. Следующее дело — разогреть еду». Эта фраза полезнее, чем «мне нужно собраться». Она не предъявляет характеру требования и показывает один следующий шаг.

Не все острые состояния подходят для самостоятельной практики. Если человек не понимает, где находится, не узнаёт знакомых, слышит или видит то, чего другие не воспринимают, переживает резкое необычное изменение состояния, не может обеспечить базовую безопасность или намерен причинить вред, пяти фактов недостаточно. Нужна живая оценка и местная экстренная или профильная помощь. Не оставляйте такого человека одного ради выполнения инструкции из книги.

Марина заранее написала на обратной стороне карточки: «Глаза открыты. Два цвета. Один звук. Две опоры». Формулировка была короткой, потому что в момент волны подробное объяснение недоступно. Два цвета заставляли её найти отдельные предметы. Один звук возвращал течение времени. Две опоры напоминали о ступнях и спинке стула.

Однажды цветов почти не было: ночью в комнате горел только слабый свет. Тогда Марина назвала два контура — дверь и край шкафа. В другой раз в шумном кафе один звук выделить не получалось; она назвала общий гул и звон чашки рядом. Схема служила направлением, а не строгим бланком.

Полезно заранее проверить практику в спокойный мо-

мент. Не для того, чтобы натренировать идеальное успокоение, а чтобы найти подходящие слова. Сядьте там, где часто накрывает волна. Назовите пять фактов. Посмотрите, легче ли с открытыми глазами. Решите, какие телесные опоры нейтральны. Запишите короткую подсказку.

При этом не нужно весь день следить за собой. Постоянная проверка «я в настоящем или опять думаю?» утомляет и делает каждую мысль подозрительной. Используйте шаг в конкретный момент: перед импульсивным действием, после неожиданного напоминания, при заметном выпадении из разговора или когда внутренний спор полностью заслонил ближайшее дело.

Возвращение внимания не запрещает потом подумать о расставании. Марина назначала для записей двадцать минут вечером. Тогда она могла описать, чего боялась и о чём сожалела, без требования немедленно решить. В течение рабочего дня пять фактов помогали отложить длинный разбор до выбранного времени. Это не подавление, если у переживания остаётся место и решение о времени принято сознательно.

Иногда после практики чувство усиливается. Человек замечает пустую половину кровати, тишину квартиры или одну чашку вместо двух. Настоящее само содержит потерю. Тогда задача не в том, чтобы продолжать перечисление до онемения. Назовите факт и добавьте ближайшую заботу: «Я вижу пустое место и мне больно. Сейчас я включу свет и напи-

шу Даше, может ли она поговорить десять минут». Если поддержки нет, выберите безопасное занятие из прошлой главы.

Марина боялась, что возвращение в комнату сделает её холодной. Ей казалось: если во время воспоминания она замечает стул, значит, предаёт значение отношений. Но внимание к комнате ничего не переписывает. Четыре года не исчезают из-за серого пола. Скорее наоборот: Марина перестаёт требовать от каждой минуты быть памятником этим годам. У настоящего появляется собственное место.

В конце недели она заметила ещё одну перемену. Раньше любое напоминание немедленно становилось рассказом: ресторан — значит, Илья уже с другой; молчание — значит, она ничего не значила; случайная песня — значит, судьба требует написать. Теперь между напоминанием и рассказом иногда появлялась простая фраза: «Я слышу эту песню в магазине. Моя рука на тележке. Я могу выйти или закончить покупки». Рассказ не исчезал, но переставал быть командой.

Практика этой главы — пять фактов настоящего. Выполняйте её там, где вы физически в безопасности. Если нужно сначала остановить машину, выйти из опасного места или позвать помощь, сделайте это.

Оставьте глаза открытыми, если так легче ориентироваться. Посмотрите на два предмета и назовите по одному проверяемому признаку каждого: цвет, форма, положение. Например: «Синяя папка лежит слева. Светлая дверь закрыта».

Назовите один звук. Не оценивайте его как хороший или

раздражающий. «Слышу ровный шум вентилятора». Если звук связан с болезненным напоминанием, выключите его, когда можете, и выберите другой.

Назовите две точки опоры тела. «Обе ступни касаются пола. Спина касается стула». Если внутренние ощущения неприятны, используйте контакт с внешним предметом: «Ладонь держит прохладную кружку».

Проверьте каждый факт две-три секунды. Не перечисляйте слова на скорость. Не требуйте, чтобы пульс или настроение изменились.

Добавьте одну фразу о мысли: «Я замечаю мысль, что он меня забыл, и одновременно вижу закрытую дверь». Не спорьте с мыслью и не превращайте её в доказанный факт.

Затем назовите место, примерное время и ближайшее безопасное действие: «Я на кухне, около девяти вечера. До 21:20 не отправляю сообщение и разогреваю еду». Если решение остаётся важным, назначьте срок его проверки.

После действия запишите не степень спокойствия, а результат: «Назвала пять фактов, не открыла страницу, вернулась к документу» или «стало тяжелее из-за пустой комнаты, попросила десять минут поддержки». Оба результата дают сведения для следующего раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.